Гамаяна

Индійская эпическая поэма.

ПЕРЕВ. СЪ НѢМЕЦКАГО

Ю. А. Роменскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія журн. «Искусство и Худож. Промышл.» Н. П. Собко. Почтамтская, 13.
1902.

Дозволено цензурою. Спб., 9 мая 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ чтенію «Рамаяны», большинство читателей, вѣроятно, пожелаетъ освѣдомиться, что такое собственно «Рамаяна», кто ея авторъ и почему она предлагается ихъ вниманію.

«Рамаяна» или «Пѣснь о Рамѣ»—великая индійская эпопея. Ея содержаніе, по мнѣнію историковъ, относится къ героическому періоду (XIII—XIV столѣтіямъ до Р. Х.) распространенія арійскихъ владѣній на южный полуостровъ Деканъ. Созданіе ея преданіе приписываютъ поэту Вальмики. Въ своемъ полномъ объемѣ «Рамаяна» состоитъ изъ семи книгъ и заключаетъ въ себѣ множество позднѣйшихъ вставокъ и искаженій первоначальнаго текста. Георгъ Веберъ по этому поводу говоритъ:

«Древнѣйшія части Магабгараты и Рамаяны принадлежатъ, хотя не въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, очень древнему времени, быть можетъ X и XI столѣтіямъ до Р. X., но свою нынѣшнюю форму эти поэмы получили не ранѣе послѣднихъ двухъ, трехъ столѣтій до нашей эры. Въ нихъ собранъ весь ма-

терьялъ индійскаго эпоса. Обѣ онѣ основаны безъ сомнѣнія на древнихъ пѣсняхъ временъ переселенія и завоеваній, на преданіяхъ о послѣднихъ нашествіяхъ и войнахъ арійскихъ племенъ въ святой области Сарасвати и Ямуны и о первомъ ихъ расширеніи на югъ. Но каждое новое поколѣніе дѣлало новыя прибавки, переработывало полученные отъ предковъ поэтическіе разсказы дополненіями и измѣненіями въ духѣ своего времени, своего культурнаго развитія, своихъ религіозныхъ понятій. Такимъ образомъ индійскія эпопеи разрослись до громадныхъ размѣровъ: вставками множества эпизодовъ и прибавокъ, дѣланными въ теченіе вѣковъ, онѣ превращены въ огромныя компиляціи, лишенныя художественнаго единства. Въ древнихъ частяхъ ихъ состава все передѣлано: и языкъ, и форма разсказа, и характеръ его, такъ что прежній смыслъ совершенно искаженъ переработкою въ духѣ религіозныхъ понятій позднѣйшихъ временъ... Распознать въ этой передѣлкѣ первоначальные контуры индійскаго эпоса дѣло очень трудное». (Т. I, стр. 238).

Благодаря этому, на долю европейскихъ санскритологовъ и поэтовъ переводчиковъ выпалъ трудъ разработки санскритскаго текста съ тѣмъ, чтобы выдѣлить изъ него позднѣйшія браманскія вставки, исправить искаженія и такимъ образомъ по возможности возстановить эпопею въ ея первоначальномъ видѣ. Въ 1829 году А. В. Шлегель издалъ обработанный

имъ санскритскій текстъ двухъ первыхъ книгъ Рамаяны. Это изданіе послужило Адольфу Гольцману оригиналомъ для его перевода Рамаяны на нѣмецкій языкъ. Въ своемъ предисловіи къ 3-му изданію Рамаяны и Магабгараты, вышедшему въ свѣтъ въ 1854 г., Гольцманъ между прочимъ говоритъ:

«Вся первая книга (въ обработкѣ Шлегеля) поддѣльная. Мой Рама есть содержаніе второй книги. Хотя явились и остальныя пять книгъ въ изданіи Горрезіо и я поэтому могъ бы продолжать стихотвореніе; но Горрезіо избралъ такую рецензію текста, которая для меня не годится».

Такимъ образомъ Рамаяна Гольцмана, съ которой сдѣланъ настоящій переводъ, только отрывокъ великой эпопеи. Въ немъ разсказываются событія, предшествовавшія воинственнымъ подвигамъ Рамы на южномъ полуостровѣ. Тѣмъ не менѣе вторая книга Рамаяны по своему содержанію и группировкѣ разсказываемыхъ событій является произведеніемъ вполнѣ самостоятельнымъ и законченнымъ. Характеръ ея по преимуществу моралическій. Въ ней изображены идеальныя стремленія индуса, его религіозныя вѣрованія, его воззрѣнія на жизнь, природу и обязанности человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ картину государственной и общественной жизни индійскаго народа и окружающаго его животнаго и растительнаго царства. Ея философія и ея мораль имѣютъ не одинъ только историческій интересъ: во многихъ слу-

чаяхъ онѣ могутъ служить вообще образцомъ человѣческой мудрости и добродѣтели безъ всякаго отношенія ко времени и особенностямъ расы, среди которой онѣ родились и получили свое развитіе.

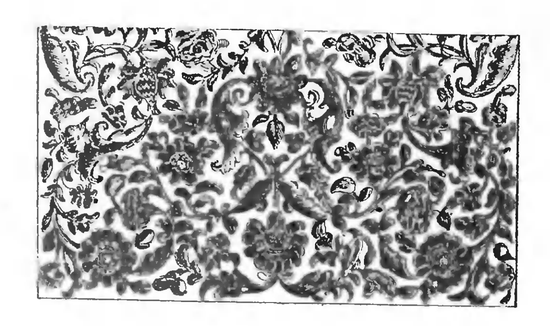
Отличительной чертой Рамаяны служитъ естественность положеній и событій. Въ ней нѣтъ тѣхъ преувеличеній и того сплетенія миѳологическихъ чертъ и образовъ, которыя вообще свойственны индійскому эпосу и которыя въ отдѣльныхъ эпизодахъ для большинства читателей, не знакомыхъ въ подробностяхъ съ вѣроученіемъ индусовъ, были бы непонятны, а иногда даже уродливы. Разсказъ Рамаяны простъ, натураленъ, исполненъ глубокаго драматизма и понятенъ каждому отъ начала до конца. Съ художественными чертами индійскаго эпоса русская публика знакома по переводу Жуковскаго эпизода изъ Магабгараты «Наль и Дамаянти». Описаніе лѣса и изображеніе чувствъ любви и страданія Дамаянти памятны каждому, кто читалъ это произведеніе. «Вообще—говоритъ Веберъ—индійскій эпосъ не уступаетъ греческому ни по высокой нравственности и глубинѣ мыслей, ни по художественному совершенству и нѣжности чувства». Я не буду говорить о художественныхъ сторонахъ Рамаяны, потому что этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ качествами самого перевода; я замѣчу только, что Рамаяна, будучи кодексомъ индійской морали, имѣетъ глубокій поучительный смыслъ и глубокое воспитательное значе-

ніе. Сопоставленіе индійской морали, существовавшей три тысячи лѣтъ тому назадъ, съ современной европейской, прошедшей черезъ горнило христіанства и обширную лабораторію новѣйшихъ гуманныхъ и философскихъ наукъ, можетъ навести на многія назидательныя размышленія.

Сказанное достаточно объясняетъ, почему именно я выбралъ Рамаяну и рѣшился предложить ее русскимъ читателямъ, главнымъ образомъ русскому юношеству.

Соблюдая тотъ же размѣръ, что и у Гольцмана—четырехстопный ямбъ съ короткими окончаніями, я старался въ точности передать каждую мысль оригинала и по возможности сохранить тѣ же эпитеты и выраженія. Я не рѣшился бы сказать, что «легче сдѣлать болѣе, нежели то же», но я ни на минуту не забывалъ правила, выраженнаго Н. Гнѣдичемъ въ его предисловіи къ Иліадѣ, что обязанность переводчика—сохранить стихъ какъ онъ есть, ни лучше, ни хуже.

I.

Въ Айоціи [1]), въ своемъ дворцѣ,
На тронѣ Дазаратъ сидѣлъ.
Въ палату царскую вошли
Князья и сѣли по мѣстамъ,
Согласно званью своему,
И, взоры обратя къ царю,
Безмолвно ожидали. Ихъ

---

[1]) Айоція (теперь Oude) лежитъ на сѣверо-западѣ отъ Бенареса.

Дазаратъ отъ каждой изъ своихъ трехъ женъ имѣетъ по одному сыну: отъ Кавзаліи—Раму, отъ Кейкеи—Фарату и отъ Сумітры—Лакшману. При началѣ разсказа второй сынъ Фарата находится у родителей своей матери въ странѣ Кекайи.

Рама женатъ на Ситѣ, дочери царя страны Видéхи—Джанаки.

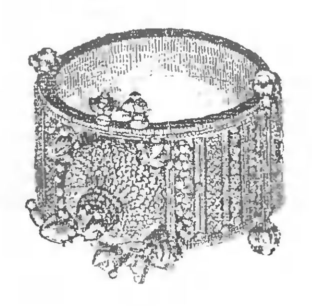
Поклономъ государь почтилъ
И низкимъ голосомъ, какъ бой
Торжественный литавръ, какъ громъ,
Рокочущій изъ тучъ, сказалъ
Имъ мудрыя слова: «Князья!
Вамъ всѣмъ извѣстно хорошо,
Какъ правили страной мои
Предмѣстники и какъ о ней
Всегда отечески пеклись.
Я слѣдовалъ по ихъ пути:
Безъ отдыха, по мѣрѣ силъ,
О благѣ царства я радѣлъ.
Но нынѣ въ тягостныхъ трудахъ,
Подъ желтымъ зонтомъ [1]) я ослабъ
Душою, тѣломъ изнемогъ.
Мнѣ въ тягость почести и власть,
И не по силамъ долгъ царя
Добро и правду охранять.
Мнѣ нуженъ отдыхъ, я стремлюсь
Къ покою. Пусть же за меня
Заботу приметъ старшій сынъ
О благѣ подданныхъ. Я васъ
У трона своего собралъ,
Чтобъ ваше мнѣніе узнать
И выслушать отъ васъ совѣтъ.
Я Рамѣ назначаю тронъ.
Онъ добродѣтелью своей
Глубоко радуетъ меня.

[1]) Желтый зонтъ—знакъ царскаго достоинства, имѣетъ значеніе скипетра.

Какъ Индра [1]), духомъ онъ могучъ;
Въ немъ сочетался свѣтлый умъ
Съ тѣлесной силой, красотой
И добронравіемъ. Ему,
Какъ лучшему изъ всѣхъ мужей,
Который въ силахъ можетъ быть
Тремя мірами управлять,
За благо почитаю я
Заботы и труды свои
Съ высокимъ саномъ передать.
Мы этимъ выборомъ дадимъ
Странѣ порядокъ и покой;
И я избавлюсь отъ трудовъ,
Тяжелыхъ въ возрастѣ моемъ.
Скажите, по душѣ ли вамъ
Царевичъ? Кажется ль онъ вамъ
Вождемъ достойнымъ? Ждете ль вы
Въ грядущемъ блага отъ него?
Подобно мнѣ, и вы теперь,
Обдумавъ, мнѣніе свое
Должны открыто объявить.
И если не согласны вы
Съ моею волей, я готовъ
Желанья наши примирить
Ко благу общему.» Такъ царь
Собранью съ трона говорилъ.
Какъ туча дождевая въ зной
Павлиновъ стаю веселитъ,
И крикомъ радостнымъ ее

[1]) Индра—царь боговъ.

Они встрѣчаютъ, такъ слова
Царя восхитили князей.
И стѣны царскаго дворца
Отъ громкихъ кликовъ потряслись:
«На царство Раму посвяти!
Пусть царствуетъ надъ нами онъ!»

II.

Тогда великій царь призвалъ
Сумантру [1]) и сказалъ ему:
«За Рамой доблестнымъ поди
И тотчасъ приведи его
Въ собранье къ намъ.»—«Да будетъ такъ!»
Царю Сумантра отвѣчалъ
И удалился изъ дворца.

У трона собрались князья
Съ восточныхъ, съ западныхъ границъ,
Изъ сѣверныхъ земель и странъ
Полудня. Даже дикари
Арійцы окружали тронъ

[1]) Возница царя.

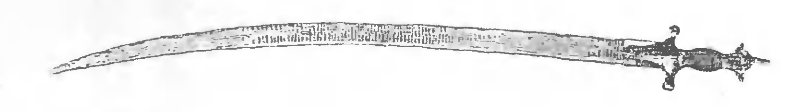
И предводители племенъ
Охотничьихъ. И всѣ они
Подъ властью были у царя.
И царь межъ ними возсѣдалъ,
Какъ Индра посреди боговъ.

Съ зубчатой крыши государь
Увидѣлъ сына. Какъ луна,
Сіяя ночью, красотой
И блескомъ услаждаетъ взоръ,
Такъ Рамы благородный видъ
Восхитилъ Дазарата. Слонъ—
По гордой поступи, мудрецъ—
По разуму, герой въ бою,
Онъ сердце гражданъ привлекалъ
Пріятнымъ нравомъ, чистотой
И кротостью своей души.
На сына глядя, царь не могъ
Налюбоваться вдоволь имъ.
Такъ жаждущій, въ гнетущій зной,
При видѣ тучи дождевой,
Слѣдитъ за ней и отвести
Не можетъ взора. Предъ дворцомъ
Сумантра поводъ натянулъ.
И князь въ чертогъ вступилъ. За нимъ,
Сложивши руки на груди,
Вошелъ возница. Какъ снѣга
Кайлазы [1]) блещутъ между горъ
Окрестныхъ, такъ въ кругу вельможъ

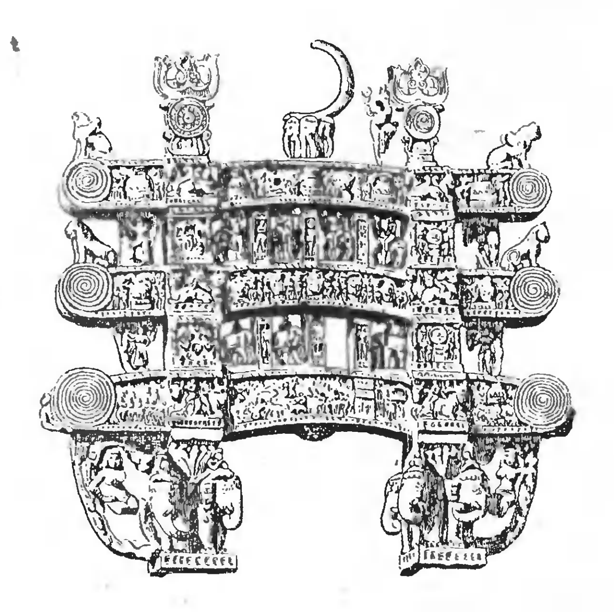
[1]) Кайлаза—одна изъ самыхъ высокихъ вершинъ Гималайскихъ горъ, служащая по вѣроученію индусовъ мѣстопребываніемъ Кувѣры (бога богатства) и его дружины.

Сіялъ царевичъ красотой.
Онъ поклонился до земли
Царю и молвилъ: «Я пришелъ».
И царь любимца своего
За руку взялъ, привлекъ къ себѣ
И обнялъ горячо. Потомъ
Онъ Рамѣ кресло указалъ
Въ оправѣ дорогихъ камней
И золота. И Рама сѣлъ.
И весь чертогъ отъ красоты
Его пышнѣе засіялъ,
Какъ ночь осенняя въ лучахъ
Луны, проглянувшей межъ тучъ.
И въ умиленьи старый царь
Смотрѣлъ на сына, будто онъ
Прекраснаго, въ разцвѣтѣ лѣтъ,
Увидѣлъ въ зеркалѣ себя;
И съ лаской говорилъ ему:
«О Рама, мой любимый сынъ!
На свѣтъ ты первымъ родился
Отъ первой царственной жены
И первымъ вышелъ по уму
И добронравію. Ты тѣмъ
Снискалъ у подданныхъ любовь
И уваженье. Всѣ князья
Готовы власть твою признать.
Мой санъ высокій отъ меня
Ты примешь завтра поутру.
Я знаю, самъ ужъ по себѣ,
Ты добродѣтеленъ и мудръ,
Но изъ родительской любви
Я все же наставленье дамъ.

И въ будущемъ, о сынъ, владѣй
Страстями, скромность сохрани;
Не поддавайся никогда
Внушенью гнѣва; но всегда,
Открыто и втайнѣ, привлечь
Старайся гражданъ. Государь,
Не расточающій казны,
Хранящій въ кладовыхъ запасъ
Оружья, чтобы ограждать
Народъ свой вѣрный отъ враговъ,
Всегда бываетъ окруженъ
Толпою преданныхъ друзей,
И видъ его пріятенъ имъ,
Какъ амрита [1]) богамъ. И такъ,
Когда ты будешь проходить
Путь жизни, страсти подчиняй
Велѣнью разума. Иди
И приготовься къ торжеству.»
Почтивъ великаго царя,
Вернулся Рама въ свой дворецъ
Среди ликующей толпы.

[1]) Пища боговъ, дѣлающая ихъ безсмертными.

III.

Случайно Мáнтхара, раба
Кейкéи, поднялась на кровъ
Блестящій царскаго дворца.
Отсюда ей открылся видъ
На всю Айоцію. Она
Увидѣла, что городъ былъ
Необычайно оживленъ;
Что были улицы водой
Политы; украшали ихъ
Знамена, флаги и вѣнки;
Что пышный тріумфальный сводъ
Вздымался по пути къ дворцу;
Въ одеждѣ праздничной стоялъ
И двигался вездѣ народъ;

Сіяли храмы серебромъ;
Играла музыка. Дивясь
Смотрѣла Ма́нтхара-раба
На это зрѣлище. Внизу,
Въ одеждѣ бѣлой изъ холста,
Стояла съ радостнымъ лицомъ
Кормилка Рамы. И ее
Спросила Ма́нтхара: «Скажи,
Должно быть въ радости большой
Кавзалья: скупостью своей
Она прославилась, межъ тѣмъ
Велѣла деньги раздавать
Народу? И народъ чему
Безмѣрно радуется такъ?
Не возвѣстилъ ли государь
О пышномъ праздникѣ?» И ей
Отвѣтила кормилка: «Царь
Поутру завтра посвятитъ
На царство первенца.» Едва
Рабыня услыхала вѣсть,
Какъ къ спящей госпожѣ своей
Сошла въ покой и стала ей
Со злобой говорить: «Проснись,
Безпечная! Какъ можешь ты
Спокойно предаваться сну,
Когда погибелью грозятъ
Тебѣ враги? Отъ козней ихъ
Ты чуть не сгинула. Твой мужъ
Тебя жестоко обманулъ.
Не ты ли ласками его
Гордилась и изъ царскихъ женъ
Любимѣйшей женой слыла?

Но нынѣ милости царя
Къ тебѣ изсякли, какъ родникъ
Подъ знойнымъ солнцемъ.» Эта рѣчь
Встревожила царицу: «Что́
Случилось, Ма́нтхара, скажи?»
И Ма́нтхара, которой взоръ
Безмѣрной злобою пылалъ,
Отвѣтила: «О горе! царь
Намѣренъ завтра посвятить
На царство Раму. Какъ огонь
Пожара, роковая вѣсть
Меня застигла; и сюда
Я поспѣшила, чтобъ спасти
Тебя, царица: твой удѣлъ
Считаю я своимъ въ бѣдѣ
И счастіи. Изъ царскихъ женъ,
По роду своему, должна
Ты первою женою быть;
Межъ тѣмъ, не явно ли, что царь
Кавзалью предпочелъ тебѣ?
Сама правдивая, ты лжи
Въ другихъ не видишь. Дазаратъ
Съ тобою ласковъ на словахъ,
На дѣлѣ жъ милости свои
Кавзальѣ расточаетъ онъ.
Злодѣй и Фа́рату послалъ
Къ твоимъ родителямъ, чтобъ здѣсь
Помѣхой не былъ онъ. Врага,
Гадюку злую ты, какъ мать,
Съ заботой нѣжной берегла
И грудью согрѣвала: царь
За ласки, за любовь твою

Возвысилъ Раму, а тебя
Позору тяжкому обрекъ.
Таится въ замыслахъ его
Твоя погибель. Поспѣши,
Пока есть время, и спаси
Отъ вѣрной гибели себя
И Фа́рату!» Услыша то,
Кейке́и съ ложа поднялась
И перстень дорогой дала
Рабынѣ:—«Радостную вѣсть
Ты мнѣ приносишь, за нее
Дарю я перстень и еще
Подаркомъ награжу тебя.
Мнѣ Рама милъ, какъ сынъ родной;
И нѣтъ для сердца моего
Межъ ними разницы. Меня
Глубоко радуетъ, что царь
На царство Раму посвятитъ.»
Рабыня въ ярый гнѣвъ пришла
Отъ словъ царицы и, швырнувъ
На землю перстень золотой,
Воскликнула: «Устамъ твоимъ
Прилична ли такая рѣчь?
Какъ можешь радоваться ты.
Когда обманута, когда
Для радости причины нѣтъ?
Неужто въ слѣпотѣ своей
Не видишь разъяренныхъ волнъ,
Готовыхъ поглотить тебя!
Душой скорблю я, между тѣмъ
Должна смѣяться надъ твоей
Безумной радостью. Увы,

Колеблется разсудокъ твой.
Кто Рама? Ненавистный сынъ
Соперницы. Успѣхъ его
Исторгъ бы слёзы у другой,
Разлилъ бы въ жилахъ желчь, а ты
Взыграла отъ него. Твой сынъ
Соперникъ Рамѣ; ихъ пути
У трона сходятся. Ужель
Почетъ, могущество свое
Безумно бросишь ты къ ногамъ
Любимца царскаго? Меня
Бросаетъ въ дрожь, я трепещу
Отъ мысли, что заклятый врагъ,
Смиренно милости твоей
Искавшій, нынѣ надъ тобой
Глумиться станетъ! Нѣтъ бойца
Искуснѣй Рамы; онъ хитеръ
И ловокъ; онъ на все готовъ
Отважиться;—я трепещу
За Фарату. Блаженна мать
Кавзалія: поутру сынъ
На царство будетъ посвященъ
Рукою бра́мановъ и къ ней
Придетъ онъ молодымъ царемъ;
И встрѣтитъ радостно она
Любимца сына, и ему
Благословенье дастъ. Преградъ
Тогда не будетъ на пути
Ея желаній. Какъ раба,
Ты склонишь голову предъ ней
И станешь Раму умолять
О милости. Ты обречешь

На рабство сына и себя!»
Но Ма́нтхарѣ на эту рѣчь
Царица молвила: «Всегда
Послушнымъ сыномъ Рама былъ.
Онъ кротокъ сердцемъ, онъ правдивъ
И безпороченъ. И ему,
Какъ старшему, принадлежитъ
По праву царство. Будетъ онъ
Опорой братьямъ, ихъ друзьямъ
И слугамъ преданнымъ. Къ чему жъ
Заранѣе пугаться такъ?
Когда заботы и труды
На тронѣ Раму утомятъ,
Онъ Фа́ратѣ уступитъ тронъ.
Такой порядокъ былъ и есть,
И будетъ. Раму я люблю
И уважаю глубоко;
Я даже Фа́ратѣ его
Готова предпочесть: ко мнѣ
Еще почтительнѣе онъ,
Чѣмъ къ матери. Не станетъ онъ
Гордиться званьемъ, но, любя
Сердечно братьевъ, свой почетъ
Раздѣлитъ съ ними.» И раба,
Внимая этимъ похваламъ,
Вздыхала тяжко; наконецъ
Сказала госпожѣ своей:
«О ослѣпленная! вреда
Ты не способна отличить
Отъ пользы. Ты не видишь бѣдъ,
Которыя вокругъ тебя
Подобно морю разлились!

Отъ Рамы царство перейдетъ
Къ его наслѣднику. Не братъ
Царю наслѣдуетъ, но сынъ.
И сыну старшему, будь онъ
Достоинъ или нѣтъ, цари,
Чтобъ въ царствѣ не возникло смутъ,
Издревле жалуютъ престолъ,
А съ нимъ величіе и власть
Повелѣвать. Царица, знай,
На вѣки сынъ твой отдѣленъ
Отъ древа царскаго. Бѣдѣ
Твоей хотѣла я помочь,
А ты, разсудокъ потерявъ,
Еще ликуешь и даешь
За счастье своего врага
Подарокъ мнѣ. Опомнись, будь
Благоразумной. Чтобы власть
Свою въ Айоцьи утвердить,
Царь Рама сына твоего
Сошлетъ въ пустыню, а потомъ
И въ міръ иной. Но ты сама
Изъ царства Раму удали:
Въ томъ выгода твоя. Спаси
Слона, котораго въ глуши
Лѣсной уже терзаетъ левъ:
Отъ Рамы Фарату спаси!
Припомни, счастіемъ своимъ
Когда-то возгордилась ты,
И нынѣ тяжко отомститъ
Тебѣ Кавзалья.» Эта рѣчь
Исторгла вздохи изъ груди
Царицы, и внезапный гнѣвъ

Воспламенилъ лицо ея.
«Да будетъ такъ! Согласна я
Изъ царства Раму удалить,
А сына посадить на тронъ.
Но ты подумай и скажи,
Какъ это сдѣлать?» И раба
Отвѣтила: «Благой совѣтъ,
Царица, преподамъ тебѣ.
Забыла ты, иль, можетъ быть,
Притворствуешь и отъ меня
Желаешь слышать, что сама
Довѣрила однажды мнѣ.
О хитрая! изъ устъ моихъ
Ты вѣрно хочешь услыхать
Свои же мысли. Хорошо,
Тебѣ угодно—я скажу.
Но только къ сердцу ты прими
Слова мои. Когда была
Съ Азурами [1]) война боговъ,
Могучій властелинъ небесъ
Призвалъ супруга твоего
Къ себѣ на помощь и на югъ
Пошолъ сразиться со врагомъ.
И тамъ, подъ знаменемъ своимъ
Съ изображеніемъ кита,
Средь лѣса Да́ндаки [2]) стоялъ

[1]) Азуры - титаны индійской миѳологіи, враждующіе съ богами. Боги, ведя съ ними продолжительныя войны, должны были часто прибѣгать за помощью къ земнымъ царямъ. Такъ и здѣсь: Дазаратъ помогаетъ Индрѣ.

[2]) Дандакой во времена Рамы называлась громадная первобытная область индостанскаго полуострова между Нербуддой и южнымъ мысомъ.

Въ столицѣ Вайджаянтѣ царь
Азуровъ Са́мбара. Бойцы,
Кровавой битвой утомясь,
Однажды отдыхали. Вдругъ
Напали Ра́кшезы [1]) на нихъ
Во мракѣ ночи. Поднялась
Тревога страшная. Супругъ
Твой Дазаратъ безъ чувствъ упалъ,
Пронзенный стрѣлами. Но ты
Изъ смертоносной свалки прочь
Успѣла увести его
И сохранила жизнь ему
Заботливымъ уходомъ. Царь
Въ ту пору добровольно далъ
Обѣтъ исполнить два твои
Желанья. Время подошло
Ихъ государю объявить:
Пусть Фа́ратѣ уступитъ тронъ,
А Раму въ Да́ндаку на срокъ
Четырнадцати лѣтъ сошлетъ.»
И съ радостью царица злой
Совѣтъ рабыни приняла:
«О Ма́нтхара, умнѣй тебя
Горбуньи въ мірѣ не найти!
Ты предана душою мнѣ;
Ты неустанно о моемъ
Благополучіи пеклась.
Ты изворотливымъ умомъ
Проникла въ замыслы враговъ

[1]) Ракшезы -великаны и злые духи, препятствующіе жертвоприношеніямъ и преслѣдующіе людей.

И мудрый мнѣ совѣтъ дала.
Горбатыя дурны собой,
Завистливы и нравомъ злы;
Но ты, какъ лотуса цвѣтокъ,
Который въ струяхъ вѣтерка
Колышется, мила собой.
Ты круглымъ личикомъ своимъ
Плѣняешь взоры: между плечъ
Оно, какъ ясная луна,
Красуется. И какъ блеститъ
На бедрахъ поясъ у тебя!
Какъ ноги длинныя стройны!
Въ одеждѣ бѣлой, какъ аистъ,
Пригожа ты. Какъ горбикъ твой
Сидитъ красиво! онъ похожъ
На горбъ Зебу́—быка. О, въ немъ
Коварство и лукавый умъ!
Всѣ козни хитраго царя
Азуровъ обитаютъ въ немъ.
Наступитъ день, когда его
Короной увѣнчаю я,
Украшу золотомъ: какъ перлъ
Въ оправѣ будетъ онъ сіять.
Тогда и личико твое
Я нарумяню, уберу,
Чтобъ красотою блескъ луны
Оно затмило. Дамъ тебѣ
Наряды лучшіе. Сандалъ.
Благоухающую мазь
До самыхъ пальцевъ я вотру
Въ тебя, о Ма́нтхара! Тогда,
Осанку царскую принявъ,

Въ уборѣ пышномъ, можешь ты
Толпу враговъ своихъ презрѣть!»
Въ отвѣтъ на эти похвалы
Рабыня молвила: «Мостовъ
Не строятъ надъ русломъ
Рѣки изсякшей. Чтобъ поры
Не упустить, живѣй примись
За дѣло.» Повинуясь ей,
Царица съ ложа поднялась
И съ Ма́нтхарой вошла въ покой
Для гнѣва. Тамъ она сняла
Безцѣнный жемчугъ, что на нить
Стократную нанизанъ былъ,
Всѣ украшенья сорвала
И, распростершись на полу,
Сказала: «Если на престолъ
Не вступитъ Фа́рата и въ лѣсъ
Не будетъ Рама удаленъ,
Я въ этой комнатѣ умру!»

IV

Когда окончился совѣтъ
Царя и былъ оповѣщенъ
Народъ о пышномъ торжествѣ,
Къ Кейке́и Дазаратъ вошелъ,
Желая извѣстить ее
О праздникѣ. Но въ первый разъ
Жены любимой не засталъ
Въ ея покоѣ. Государь
Былъ тѣмъ встревоженъ и спросилъ
Служанку о женѣ своей.
И въ страхѣ молвила ему
Прислужница: «О государь,
Царица гнѣвная ушла
Въ покой для гнѣва.» Эта вѣсть
Встревожила еще сильнѣй
Царя. И къ молодой женѣ
Направился поспѣшно онъ,

И былъ глубоко огорченъ,
Ее увидя. Какъ цвѣтокъ,
Изъ грунта вырванный, она
Съ печалью Киннари [1]), въ слезахъ
Простерта на землѣ была.
И были украшенья всѣ
Оборваны, и на полу
Разсыпанъ жемчугъ. И душой
Смутился старый государь.
Какъ нѣжно хоботомъ въ лѣсу
Свою подругу гладитъ слонъ,
Когда, пронзенная стрѣлой
Отравленной, она безъ силъ
Печально на землѣ лежитъ,
Такъ, преисполненный любви,
Рукою гладилъ царь-старикъ
Жену любимую и ей,
Лотусоглазой, говорилъ:
«Прелестная, не знаю я
Причины гнѣва, твоего.
Не оскорбилъ ли кто тебя,
Почтенья ли не оказалъ?—
Повѣдай скорбь свою! Скажи,
Зачѣмъ ты на полу лежишь,
Какъ будто демоны твой умъ
Вдругъ помрачили? У меня
Для всякихъ болей есть врачи,
Они излѣчатъ твой недугъ.

[1]) Киннари—служанки Куверы; онѣ представляются съ лошадиной головой. Кувера, живущій на вершинахъ Гималайскихъ горъ, изгналъ отъ себя провинившихся служанокъ.

Любимая, скажи, кого
Я долженъ покарать, кого
Помиловать? Не плачь, чтобъ скорбь
Не истощила силъ твоихъ.
Коль ты прикажешь, богача
Лишу имущества и дамъ
Богатство нищему; отъ узъ
Преступника освобожу;
Велю жестоко покарать
Того, кто огорчилъ тебя.
Кейкеи, сердце мнѣ открой:
Клянусь, желанія твои
Исполню я! Огромный міръ
Съ его сокровищами мнѣ
Принадлежитъ; бери изъ нихъ,
Какія хочешь, и скажи
Причину горести. Какъ снѣгъ,
Согрѣтый солнечнымъ лучомъ,
Разсѣется твоя печаль.»
Отвѣтила Кейкеи: «Царь,
Не оскорбилъ меня никто
И не обидѣлъ. У меня
Желанье есть. Коль дашь обѣтъ
Его исполнить, я скажу
Причину скорби.» Какъ олень
Стремглавъ бросается въ петлю,
Такъ благородный государь,
Словамъ коварнымъ подчинясь,
Согласье гибельное далъ.
Коснувшись головы жены,
Сказалъ онъ: «Знаешь ты сама,
Что послѣ Рамы я люблю

Тебя, царица, больше всѣхъ.
И Рамой, лучшимъ изъ мужей,
Въ которомъ сочетался умъ
Съ чудесной красотой души,
Усладой старости моей,—
Потомкомъ Рагху [1]), я клянусь
Исполнить все, что у меня
Попросишь ты!» Тогда царю
Отвѣтила Кейкеи: «Въ томъ,
Что ты исполнить обѣщалъ
Мое желанье, я беру
Свидѣтелями тридцать три
Небесныхъ бога: твой обѣтъ
Они да слышатъ, государь!
И вы, о солнце и луна,
Планеты, звѣзды, день и ночь,
Ганца́рвы [2]), Ра́кшезы, и вы,
О божества домовъ, вы всѣ
Творенья неба и земли,—
Вы слышите, какой обѣтъ
Даетъ мнѣ мудрый государь,
Который свято соблюдалъ
Свои обѣты! Помнишь, царь,
Ты раненъ былъ въ войнѣ боговъ
Съ Азурами. Моя любовь,
Мои заботы, рядъ ночей,
Безъ сна проведенныхъ съ тобой
Въ то время, были для тебя
Спасеньемъ. Ты за это далъ

1) Предокъ Дазарата.
2) Ганцарвы—небесные музыканты.

Обѣтъ исполнить два мои
Желанья. Но до сей поры
Я не желала ничего;
И ты остался должникомъ
Моимъ. Я требую теперь
Уплаты долга и скорѣй
Утрачу жизнь, чѣмъ соглашусь
Свое рѣшенье измѣнить.
Ты долженъ Фа́ратѣ отдать
Престолъ Айоціи—мое
Желанье первое; узнай
Второе: Раму изгони
Не медля въ Да́ндаку на пять
И девять лѣтъ!» Услыша то,
Съ глубокой думой на челѣ,
Безмолвно Дазаратъ стоялъ.
Ужъ не обманчивый ли сонъ
И не смятенье ль это чувствъ?
Быть-можетъ, демоны его
Лишили разума, и онъ
Въ безумье погруженъ теперь?
Какъ робкую козулю тигръ,
Внезапно въ чащѣ появясь,
Приводитъ въ трепетъ, такъ царя
Повергли въ тягостный испугъ
Слова Кейкеи. Наконецъ,
Въ порядокъ мысли приведя,
Онъ молвилъ: «Вѣрить ли словамъ,
Которыя сказала ты?
Ты вѣрно къ Фа̀ратѣ любовь
Мою желаешь испытать?
Сама хотѣла ты, чтобъ тронъ

Я отдалъ Рамѣ и почилъ
На склонѣ жизни отъ трудовъ.
Ужели низкая корысть,
Желанье слухъ мой обольстить
Пріятной рѣчью, пріобрѣсть
Довѣренность, любовь мою
Тебя понудили ко лжи?
Неужто радостная вѣсть
Не радуетъ тебя одну?
Ужели можешь ты попрать
Обычай предковъ, стыдъ и честь
Капризу въ жертву принести?
О нѣтъ, Кейкеи, не могу
Повѣрить я твоимъ словамъ.
Сама ты говорила мнѣ,
Что любишь Раму, что, какъ сынъ
Родной, желаніямъ твоимъ
Онъ былъ послушенъ. Чѣмъ же онъ
Твою немилость заслужилъ?
Возможно ли, чтобъ ты одна
Питала ненависть къ нему?
Привѣтливость и чистота
Его души извѣстны всѣмъ.
Какъ на войнѣ своихъ враговъ
Оружьемъ побѣждаетъ онъ,
Такъ гражданъ—честностью своей,
Даяньемъ щедрымъ—бѣдняковъ
И послушаніемъ—своихъ
Родителей. Неужто онъ
Тебя одну обидѣть могъ?
Ты шутишь; изъ любви ко мнѣ,
Прошу я, перестань шутить.»

Но твердымъ голосомъ ему
Кейкеи возразила: «Царь,
Не для забавы я съ тобой
Вела бесѣду. Справедливъ
Иль нѣтъ обѣтъ твой, ты его
Исполнить долженъ. Лучше смерть,
Чѣмъ видѣть мнѣ хоть день одинъ
Въ чести Кавзалію. Клянусь
Богами, сердца моего
Ты не смягчишь тогда ничѣмъ!»
И гнѣвомъ вспыхнулъ Дазаратъ
Отъ словъ Кейкеи, и въ отвѣтъ
На дерзостную рѣчь ея
Громовымъ голосомъ вскричалъ:
«Дурная, гнусная жена!
Ты дома нашего позоръ!
Подобно бѣсноватой, ты
Безстыдно, дерзко говоришь!
Кто эти мысли могъ внушить
Тебѣ? Кто научилъ тебя
Словамъ постыднымъ? Въ нихъ корысть,
Желанье низкое души
Твоей. Я нрава твоего
Не зналъ донынѣ. Этотъ міръ
Утратилъ свой обычный видъ:
Все спуталось, смѣшалось въ немъ.
О женщины, проклятье вамъ!
Полны вы прихотей, причудъ,
Корысти, хитрости. Но злѣй,
Коварнѣе всѣхъ женщинъ—ты!
На гибель, на позоръ себѣ
Въ свой домъ я не царевну ввелъ,

Но ядовитую змѣю.
Гадюку злую я берегъ
Такъ долго на груди своей,
Чтобъ быть ужаленнымъ ея
Смертельнымъ жаломъ. Какъ рожкомъ
Охотникъ привлекаетъ дичь,
Такъ сладкой лестью ты любовь
Мою пріобрѣла. Судьба
Тебя послала извести
Мой домъ. Когда погубишь ты
Меня, дѣтей и женъ моихъ,
Когда позоромъ заклеймишь
Мой славный, знаменитый родъ,
А сына возведешь на тронъ,
Тогда возрадуешься ты
И успокоишься душой!
О гнусная, во рту твоемъ
Неужто уцѣлѣлъ языкъ,
Когда преступныя слова
Такъ дерзко говорила ты?
Бѣснуйся, слезы проливай,
Отъ злости на моихъ глазахъ
Умри—желанья твоего
Вовѣки не исполню я!»
На эти гнѣвныя слова
Отвѣтила Кейкеи: «Царь
Напрасно извергаешь ты
Въ словахъ ничтожныхъ ядъ и желчь:
Ты связанъ клятвой и ее
Обязанъ свято соблюсти!»
И неподвижнымъ взглядомъ царь
На дерзкую жену смотрѣлъ

И долго вымолвить не могъ
Ни слова. Помня свой обѣтъ
И видя, что ему не въ мочь
Упрямый нравъ жены сломить,
Вскричалъ онъ «Рама!» и, какъ дубъ,
Подъ корень срубленный, упалъ.
Лишенный разума и чувствъ,
Сраженный скорбью, Дазаратъ
Былъ безъ сознанья, какъ въ хмелю,
Какъ умирающій—безъ силъ,
И неподвиженъ, какъ змѣя.
И такъ онъ на землѣ лежалъ,
Пока не прояснился умъ
Его и снова не пришли
Въ согласье чувства. И жену
Ослабшимъ голосомъ онъ сталъ,
Вздыхая тяжко, умолять:
«Умилосердись надо мной!
Я слабъ, годами престарѣлъ;
Сложивши руки, я прошу:
До страшнаго грѣха меня
Не допусти! Покровомъ будь
Моимъ! Сама ты разсуди,
Могу ль рѣшенье отмѣнить,
Когда объявлено оно?
Не то же ль это, что врага
На битву вызвать и предъ нимъ,
Смутившись духомъ, отступить?
Всѣ люди царства Раму чтутъ,
А я сошлю его? За что?
Не скажутъ ли тогда князья
И граждане: «На склонѣ лѣтъ

Нашъ царь разсудокъ потерялъ?»
Какъ объясню поступокъ свой
Почтеннымъ старцамъ, мудрецамъ,
Стяжавшимъ славу? Чтó скажу
Кавзаліи, чтó скажетъ мнѣ
Она? Смогу ли перенесть
Я Ситы скорбь, когда она
О Рамѣ будетъ тосковáть
Подобно Киннари у ногъ
Гимáвата [1])? Я навлеку
Проклятье міра и, людьми
Осмѣяный, сойду съ грѣхомъ
Въ жилище Ямы [2]). Я бы могъ
Отъ женъ отречься, могъ бы жизнь
Со всѣми благами презрѣть,—
Всего, чтó хочешь отъ меня
Проси,—но выше силъ моихъ
Отъ Рамы отказаться! Нѣтъ
Блаженства выше для меня,
Какъ видѣть Раму: видъ его
Врачуетъ недуги мои;
При немъ я снова становлюсь
Здоровымъ, сильнымъ, какъ въ лѣта
Утекшей юности. Скорѣй
Безъ солнца обойдется міръ,
Безъ влаги рисъ произрастетъ,
Чѣмъ буду я безъ Рамы жить.
Не стой же на рѣшеньѣ зломъ:
Ты видишь: головой сѣдой

[1]) Гимаватъ—Гималайскія горы.
[2]) Яма—Богъ смерти.

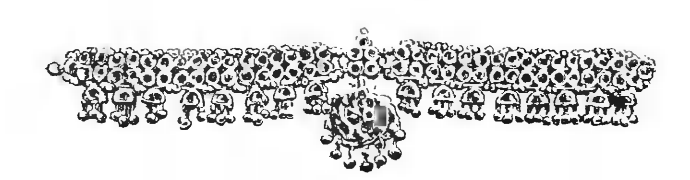
Склоняюсь я къ ногамъ твоимъ!»
Такъ царь Кейкéи умолялъ.
Но, сердцемъ не смягчась, она
Отвѣтила ему: «Царь, встань!
Ты какъ преступникъ на полу
Лежишь. Ты обѣщанье далъ;
И если выполнить его
Колеблешься, то въ правѣ ль ты
Назваться честнымъ? Ужъ не то ль,
Бесѣдуя въ кругу князей,
Ты скажешь имъ: я обманулъ
Жену, которая спасла
Меня отъ смерти? Государь,
Который говоритъ одно,
Другое дѣлаетъ, на вѣкъ
Позоромъ будетъ для царей.
Въ комъ разумъ есть, кто размышлялъ
О долгѣ, подтвердитъ тебѣ,
Что вѣрность слову—первый долгъ.
Припомни Сайвія царя:
Не онъ ли ястребу отдалъ
По обѣщанью плоть свою? [1])
Не по обѣту ль уступилъ
Аларка бра̀ману глаза? [2])

[1]) О самопожертвованіи царя Сайвія разсказывается въ эпизодѣ «Узинара». Голубь, преслѣдуемый ястребомъ, прилетѣлъ къ Сайвію и просилъ у него защиты. Ястребъ потребовалъ выдачи голубя, предназначеннаго ему въ пищу самимъ Всезиждителемъ. Царь пообѣщалъ ястребу отдать все, что только онъ потребуетъ, кромѣ голубя. Ястребъ потребовалъ собственное тѣло царя, и царь, исполняя свое обѣщаніе, безъ колебанія отдалъ его.
[2]) Свѣдѣній объ исторіи Аларки не сохранилось.

У моря—государя рѣкъ—
Границы тѣсныя, межъ тѣмъ,
Храня обѣтъ, за ихъ чертой
Не разливается оно [1]).
Донынѣ, царь, ты вѣренъ былъ
Своимъ обѣтамъ и теперь
Обманомъ не пятнай себя.
Я требую въ послѣднiй разъ
Изгнанья Рамы!» Дазаратъ,
Не видя выхода, въ борьбѣ
Всѣ силы духа истощивъ,
Со стономъ горестнымъ упалъ.
Усталый, блѣдный, онъ лежалъ,
Какъ въ заколдованномъ кругу
Оцѣпенѣвшая змѣя.

[1]) Миѳъ объ обѣщанiи моря у Гольцмона не объясненъ. Въ его примѣчанiи говорится то же, что въ текстѣ стихотворенiя.

V.

С ъ восходомъ солнца собрались
Князья, совѣтники царя,
Военачальники, жрецы
И предводители гражданъ,
Чтобы торжественно на тронъ
Айоцьи Раму посадить.
И солнце яркое взошло.

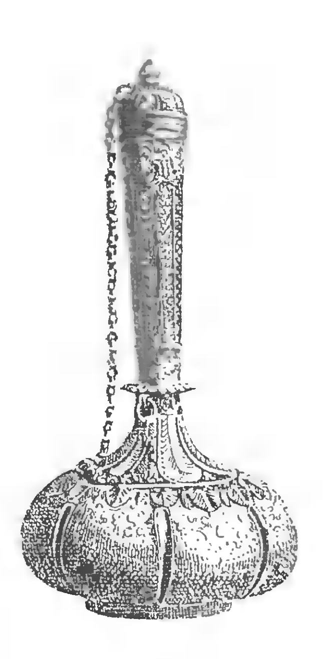
Стояли въ чашахъ золотыхъ
Вода изъ Ганги и вода
Морская, масло, молоко
И медъ. Лежали сѣмена
Плодовъ, цвѣты, вѣнки и рисъ.
И красовались восемь дѣвъ
Въ уборѣ пышномъ; желтый зонтъ,
Два опахала, боевой,
Доспѣхами покрытый слонъ,
И желто-бѣлый Зе́бу—быкъ,
Обвитый лентами; пѣвцы,
Глашатаи и плясуны,
И инструме́нты всѣхъ родовъ.
И въ ожиданіи царя
Собранье говорило: «Кто
Великому царю о насъ
Доложитъ? Солнце поднялось,
И все готово къ торжеству,
Межъ тѣмъ не видимъ мы царя.»
Сказалъ Сумантра: «Государь
Въ своихъ покояхъ. Доложу
Ему о васъ!» И во дворецъ,
Всегда доступный для него,
Вошелъ онъ и сказалъ царю:
«Какъ солнца лучезарный богъ,
Сіяньемъ пробуждая міръ,
Живитъ и радуетъ его,
Такъ появленіемъ своимъ
Ты радуешь сердца людей.
Проснись, о царь! Прими мои
Благословенья и хвалы:

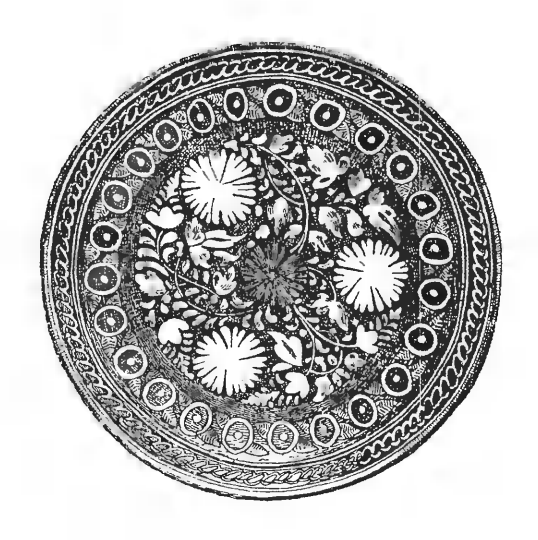
Какъ Индрѣ Матали [1]), я ихъ
Смиренно приношу тебѣ!
Да одарятъ тебя огонь
И влага, солнце и луна,
Куве́ра, Сива, Индра—царь
Могучій праведныхъ боговъ—
Побѣдою и благомъ. Ночь
Священная уже прошла,
Блаженный наступаетъ день;
Проснись же, государь: тебя
Великое дѣянье ждетъ!
Военачальники, жрецы
И предводители гражданъ
Ждутъ появленья твоего:
Потомокъ Рагху, пробудись!»
Но на возницу государь
Смотрѣлъ со скорбью и ему
Со вздохомъ молвилъ: «Для чего
Ты недостойному похвалъ
Хвалы приносишь? Этимъ ты
Сильнѣе растравляешь скорбь
Мою!» И отъ царя, смутясь
Душой, возница отступилъ.
Кейке́и молвила: «Всю ночь,
О Рамѣ думая, не спалъ
Великій государь; его
Одолѣваетъ сонъ. Ступай
И Раму приведи сюда!»
Возница горестно вскричалъ:

---

[1]) Матали—возница Индры.

«И такъ, не долженъ услыхать
Я рѣчи моего царя?»
И царь воскликнулъ: «Да, иди,
Увидѣть Раму я хочу!»
И низко голову склонивъ,
Возница вышелъ изъ дворца.

VI.

На колесницѣ золотой
Направилъ путь свой ко дворцу
Царевичъ Рама. И народъ
Восторженно встрѣчалъ его.
И Рама кланялся толпѣ
Съ обычной лаской и рѣчамъ
Ея привѣтственнымъ внималъ.
И говорилъ народъ: «О, князь,
Иди по доброму пути
Отца и предковъ! Будь для насъ
Опорой! Доблестной рукой
Владѣнья наши ограждай
И благоденствіе умножь
Правленьемъ мудрымъ! Этотъ день

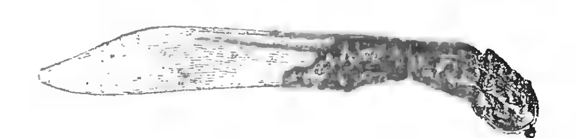
Почтемъ счастливѣйшимъ, узрѣвъ
Какъ въ царскомъ одѣяньи ты
На тронѣ будешь возсѣдать!»
И было много по пути,
На кровляхъ, у оконъ домовъ,
Нарядныхъ женщинъ; и онѣ
Передъ царевичемъ цвѣты
Бросали, говоря: «О князь,
Какъ долженъ радовать твой видъ
Кавзалью! Какъ она тобой
Гордится, видя въ этотъ часъ
Въ торжественномъ пути тебя!
Но женщины на свѣтѣ нѣтъ
Счастливѣй Ситы. Твой почетъ
Она достойна раздѣлить.
Блаженъ и проченъ вашъ союзъ,
Какъ съ Сóмой Рóхини!» [1]) Никто
Отъ Рамы глазъ не отвратилъ;
Кого не видѣлъ князь, и кто
На князя не успѣлъ взглянуть,
Глубоко опечаленъ былъ.
Такъ ѣхалъ Рама; такъ прибылъ
Къ палатамъ царскимъ. Миновавъ
На колѣсницѣ три двора
Тѣлохранителей, онъ два
Преддверія пѣшкомъ прошелъ;
Въ послѣднемъ стражѣ повелѣлъ
Остановиться и одинъ

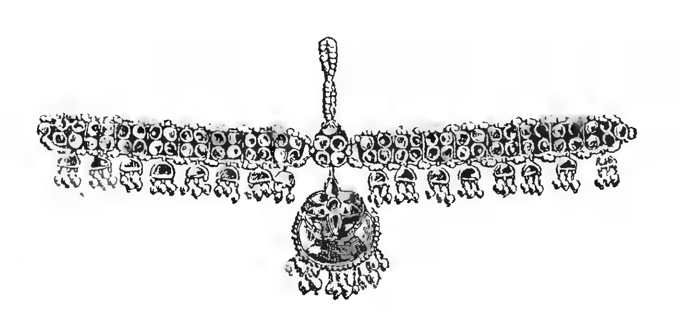
[1]) Сóма—луна, государь ночи; у него двадцать семь женъ, изъ которыхъ Рóхини самая любимая. Миѳъ о Сомѣ и Рохини, разсказанный въ эпизодѣ подъ заглавіемъ «Рóхини», служилъ, повидимому, объясненіемъ луннаго мѣсяца и лунныхъ фазъ.

Въ покои женскіе вступилъ.
Отца съ Кейкеи онъ засталъ
И въ ноги поклонился имъ.
Сраженный горемъ, государь
Вскричалъ: «О Рама!» и не могъ
Ни слова болѣе сказать.
И князь смутился, будто онъ
Ногой коснулся невзначай
Змѣи. Онъ мыслилъ: «Почему
Со мною непривѣтливъ царь?
Донынѣ я утѣхой былъ
Его печалей; гнѣвъ его
Смѣнялся милостью при мнѣ;
А нынѣ на меня отецъ
Взглянуть не хочетъ.» Обратясь
Къ Кейкеи, Рама вопрошалъ:
«Скажи, царица, можетъ быть,
Помимо воли, я навлекъ
Гнѣвъ государя? Объясни
Вину мою и помоги
Его умилостивить. Царь,
Со мною ласковый всегда,
Неласковъ почему теперь?
И почему безгласенъ онъ,
И на лицѣ его слѣды
Глубокой скорби? Укажи
Мнѣ грѣхъ невольный мой—его
Я смертью искупить готовъ.
Быть можетъ огорчилъ отца
Несчастный случай иль недугъ?»
Кейкеи дерзко, не тая
Преступныхъ замысловъ своихъ,

Отвѣтила: «Иная скорбь,
О Рама, въ сердцѣ у царя.
Онъ далъ мнѣ нѣкогда обѣтъ
И нынѣ долженъ, вопреки
Любви родительской къ тебѣ,
Его исполнить. Обѣщай
Покорность своему отцу,
И я сама скажу тебѣ,
Чего не можетъ царь сказать!»
Съ печалью Рама возразилъ:
«Зачѣмъ, царица, говоришь
Ты эти рѣчи? Если царь
Прикажетъ мнѣ, я проглочу
Безъ ропота смертельный ядъ,
Неустрашимо встрѣчу смерть
Въ морскихъ волнахъ иль на кострѣ.
Скажи велѣнье мнѣ царя:
Что выполню его—клянусь!
Я клятвы дважды не даю.»
Отвѣтила Кейкеи: «Царь
Въ кровавой битвѣ тяжело
Былъ раненъ; я его спасла
Отъ смерти; онъ за это далъ
Обѣтъ исполнить два мои
Желанья. Отъ него теперь
Я требую, чтобъ передалъ
Онъ царство сыну моему,
Тебя же въ Дàндаку изгналъ
На пять и девять лѣтъ. Уйдя
Въ изгнанье, не допустишь ты
Отца до вѣроломства.» Ей
Спокойно Рама возразилъ:

«О знай, царица, не къ земнымъ
Я пріобрѣтеньямъ стремлюсь,
Но соревную мудрецамъ,
Что жили въ древности; ихъ путь
Благочестивый я избралъ
Себѣ примѣромъ съ юныхъ лѣтъ.
Нѣтъ долга выше и святѣй,
Какъ послушаніе своимъ
Родителямъ. По праву ты
Сама могла мнѣ приказать,
И я бы въ Дàндаку на срокъ,
Положенный тобой, ушелъ.
Прибѣгнувъ съ просьбою къ царю,
Навѣрно сомнѣвалась ты
Въ повиновеніи моемъ.
Пошли за Фаратой. А я,
Съ женой и матерью простясь,
Уйду въ пустыню. Пусть мой братъ
Здѣсь царствуетъ. Но ты должна
Принять заботу, чтобъ онъ былъ
Отцу послушенъ.» Дазаратъ,
Услыша это, зарыдалъ.
Почтительно коснувшись ногъ
Царя и злой его жены,
Царевичъ вышелъ изъ дворца.

VII.

Былъ видъ у Рамы величавъ;
И провожатые, его
Увидя, не нашли слѣдовъ
Печали на его лицѣ.
Князь ласково отвѣтилъ имъ
На ихъ почтительный привѣтъ
И въ домъ Кавзаліи велѣлъ
Возницѣ отвезти себя.
И стража у воротъ дворца
Кавзальи встрѣтила его,
Воскликнувъ: «Будь благословенъ
Вовѣки!» Во второмъ дворѣ
Стояли бра́маны; и ихъ
Почтилъ поклономъ царскій сынъ.
Стояла далѣе толпа
Нарядныхъ женъ и дѣвъ; онѣ
Воскликнули: «Вовѣки будь
Благословенъ!» и во дворецъ

Вошли поспѣшно, чтобы тамъ
Прибытье Рамы возвѣстить.
Межъ тѣмъ, Ковзалья, облачась
Въ одежды бѣлаго холста,
Молилась горячо богамъ
О счастьѣ сына. Повстрѣчавъ
У входа Раму и его
Съ глубокой нѣжностью обнявъ,
Она сказала: «Много лѣтъ
Живи, мой сынъ! Преуспѣвай
Въ добрѣ и истинѣ и будь
Повсюду славенъ и могучъ,
Какъ рода нашего цари
Съ временъ древнѣйшихъ до сихъ поръ!
Потомокъ Рагху, въ этотъ день
Ты примешь царство отъ отца!»
Помедливъ, Рама отвѣчалъ:
«О мать! не знаешь ты еще
Печальной участи моей.
Я долженъ огорчить тебя
Извѣстьемъ скорбнымъ: государь
Ссылаетъ въ Дандаку меня
На пять и девять лѣтъ, а тронъ
Второму сыну отдаетъ.»
Услыша это, какъ сосна,
Подрубленная топоромъ,
Кавзалія, лишившись силъ,
Упала на полъ. И ее
Царевичъ поднялъ, скорбь ея
Старался ласками смягчить.
И, муку въ сердцѣ подавивъ,
Царица молвила: «О сынъ,

Могу ль повѣрить, чтобы ты,
Навѣтамъ хитрымъ подчинясь
Соперницы моей, ушелъ
Въ изгнанье; чтобъ покинулъ ты
Меня въ бѣдѣ? Не нарушай
Святого долга, ты во всемъ
Донынѣ соблюдалъ его.
Чти мать свою, какъ чтишь отца,
И уготовится тебѣ
Пріютъ небесный, гдѣ обрѣлъ
Блаженство почитавшій мать
Сынъ Ка́сьяны. [1]) Неужто ты
Ускоришь скорбью мой конецъ
На склонѣ жизни? Безъ тебя
Изсякнутъ радости мои
И станетъ ненавистна жизнь.
О сынъ, возмездія страшись:
Какъ океанъ—властитель рѣкъ,
Сгубившій бра́мановъ, въ аду
Ты будешь мукамъ обреченъ!»
Но Рама отвѣчалъ: «О мать,
Утишь смятеніе и скорбь
И снизойди къ мольбѣ моей:
Позволь мнѣ свято соблюсти
Мой долгъ сыновній. Подчинясь
Отцовской волѣ, сыновья
Сагары совершили грѣхъ,
Убивъ живыя существа

[1]) У Касьяны было много сыновей; по всей вѣроятности здѣсь рѣчь идетъ о сынѣ Касьяны Гарудѣ, освободившемъ свою мать изъ рабства.

Въ подземномъ мірѣ [1]); а святой
Отшельникъ Канду умертвилъ
Корову даже [2]);—какъ же я
Дерзну итти наперекоръ
Отцовской волѣ? Дазаратъ
Былъ добрымъ для меня отцомъ;
Не могъ онъ самъ меня изгнать:
Въ его рѣшеньи—перстъ судьбы.
Кейкеи тоже не вини:
Сердечно, какъ тебя, о мать,
Я уважалъ и чтилъ ее.
По сану—царская жена,
Рожденьемъ—государя дочь,
Могла ль унизиться она
До чувства зависти, вражды,
Присущихъ женщинѣ простой?
Могла ль ея любовь ко мнѣ
Смѣниться ненавистью вдругъ?
Непостижимый тайный рокъ,
Виновникъ счастія и бѣдъ,
И выгодъ нашихъ и потерь,—
Который посылаетъ намъ
И обольщенія и страхъ,
И по рѣшенью своему

---

1) Сагара хотѣлъ принести въ жертву коня; но Индра похитилъ жертвеннаго коня. Для отысканія его Сагара выслалъ шестьдесятъ тысячъ своихъ сыновей. Отыскивая коня, они прокопали землю, достигли подземнаго міра и умертвили тамъ всѣ живыя существа. Объ этомъ разсказывается въ эпизодѣ «Море».

2) Умерщвленіе коровы считалось у индусовъ почти такимъ же великимъ грѣхомъ, какъ убійство брамана.

Дастъ и отнимаетъ жизнь,
Властитель духовъ,—онъ рѣшилъ
Подвергнуть испытанью насъ.
Когда надежды и труды
Внезапно рушатся—его
Священный это приговоръ.
Не вызовъ дерзкій, но мольбы
И жертвы могутъ измѣнить
Его рѣшенья. Даже тѣхъ,
Кто воздержаніемъ святымъ
Въ мученьяхъ умерщвляетъ плоть,
Нерѣдко обрекаетъ онъ
Соблазну и грѣху. О мать,
Кейкеи не вини: судьбой
Мое изгнанье рѣшено!»
Въ раздумьѣ Лакшмана стоялъ;
И рѣчь царевича то скорбь,
То радость возбуждала въ немъ.
Но подъ конецъ его чело
Нахмурилось и вспыхнулъ гнѣвъ
Въ блуждающихъ очахъ его.
Какъ разъяренный левъ, онъ былъ
Могучъ и страшенъ, и дышалъ,
Какъ раздраженная въ норѣ
Гадюка. Отвративши взоръ,
Сжимая рукоять меча—
Грозы и пагубы враговъ,
Онъ началъ Рамѣ говорить:
«О гордый кшатрія, ужель
При полномъ разумѣ сказалъ
Ты столь покорныя слова?
Ты чувствомъ долга ослѣпленъ!

Не зная лживости людей.
Не замѣчая, что тебя
Преслѣдуютъ враги твои,
Ты обвиняешь жалкій рокъ.
Но, знай, измѣнники царя
Тебя рѣшили погубить.
Подъ видомъ долга въ сердцѣ ихъ
Таятся зависть и корысть.
Не будь ихъ козней, государь
Давно бы передалъ тебѣ
Престолъ Айоціи. Прости,
О князь, но выше силъ моихъ
Снести, чтобъ кто-нибудь другой
Твоимъ престоломъ завладѣлъ;
О, горе, дерзкому! народъ
Смятенный на главу его
Обрушитъ справедливый гнѣвъ.
Да будетъ ненавистенъ долгъ,
Коль ты боишься преступить
Его! Онъ разума тебя
Лишилъ. У дряхлаго царя
Кейкѐи вырвала обѣтъ
Обманомъ злымъ,—неужто ты
Обязанъ исполнять его?
Возненавидѣть я готовъ
Всѣ добродѣтели твои,
Коль, радуя враговъ своихъ,
Друзей ты повергаешь въ скорбь.
Отецъ, желая сыну зла,
Становится его врагомъ;
Не повинуйся ты ему,
Но, какъ съ противникомъ, борись.

Противься року, если въ немъ
Ты видишь своего врага.
Кто немощенъ и боязливъ,
Пусть тотъ покорствуетъ судьбѣ,
Но въ комъ есть мужество и мощь,
Тотъ долженъ силою своей
Всѣ злополучья побѣждать.
Увидитъ міръ, какъ въ этотъ день
Я силу рока поборю
Своею силой. Острый клинъ
Слона смиряетъ, мощный духъ
Послушной дѣлаетъ судьбу.
Не только дряхлый государь,
Но всѣ властители міровъ
Не воспрепятствуютъ тебѣ
Вступить на царство. Кто хотѣлъ
Изгнать тебя, того я самъ
Изъ царства изгоню. Какъ дымъ,
Разсѣю козни я враговъ.
Клянусь, подобно берегамъ,
Хранящимъ море, буду я
Твои владѣнья охранять!
Одинъ смогу я удержать
Въ повиновеньи всѣхъ князей.
Не для пустой забавы мнѣ
Дана могучая рука,
Не украшенье—этотъ мечъ,
Не шутка—мѣткая стрѣла,
Не дѣтская забава лукъ,—
Ихъ назначенье укрощать
Строптивость дерзкаго врага.
Едва сверкнетъ мой мечъ стальной,

Самъ Индра съ огненной стрѣлой
Не смѣетъ подойти ко мнѣ.
Дробясь на мелкіе куски,
Желѣзо въ воздухѣ летитъ;
Скрывая землю подъ собой,
Безъ счета падаютъ враги.
Какъ только я беру колчанъ
Со стрѣлами и лукъ тугой,
И сталью прикрываю грудь,—
Гдѣ ты, о мужество враговъ!
Пуская стрѣлы, я одной
Сражаю множество враговъ
И множество смертельныхъ стрѣлъ
Вонзаю въ одного врага.
Пригодны руки у меня,
Чтобъ нити жемчуга и мазь
Сандала украшали ихъ,
Чтобъ щедро деньги раздавать
И чтобъ услуживать друзьямъ;
Но нынѣ покарать должны
Они противниковъ твоихъ!»
На эти гнѣвныя слова
Отвѣтилъ Рама: «Дорогой
Мой братъ, я знаю хорошо,
Какъ глубоко ты преданъ мнѣ:
Неустрашимъ ты и могучъ;
Но сильно огорчишь меня,
Отвергнувъ мой совѣтъ благой.
Бываетъ счастливъ человѣкъ,
Когда съ желаньями его
Находится въ согласьѣ долгъ,
Какъ любящая мать съ дѣтьми;

Но если между ними нѣтъ
Согласія, обязанъ онъ
Своимъ желаньямъ предпочесть
Велѣнье долга. Гнусенъ тотъ,
Кто, ради выгоды мірской,
Забвенью долгъ свой предаетъ.
Всего возвышеннѣе долгъ.
И вѣрность слову—высшій долгъ.
Когда приказываетъ князь,
Отецъ, учитель иль старикъ,—
Во гнѣвѣ ли, въ чаду ль страстей,—
Найдется ль дерзкій, чтобы имъ
Непослушанье оказать?
Какъ Суварчàла [1]) держитъ путь
За солнцемъ, за добромъ во слѣдъ
Не уклоняясь я иду.
Безъ уваженія къ отцу
Не можетъ смертный получить
Благоволенія боговъ.
Сознаньемъ долга укроти
Смятенный духъ и мой совѣтъ
Ты къ сердцу своему прими.»
Такъ Рама брату говорилъ.
И обратился онъ потомъ
Къ Кавзальѣ: «Согласись, о мать,
Въ изгнанье отпустить меня.
Неужто я короткій срокъ
Земного счастья предпочту
Блаженству вѣчному боговъ?
Свои заботы посвяти

---

[1]) Суварчàла—одна изъ супругъ бога солнца.

Царю сѣдому: безъ меня
Нуждается въ уходѣ онъ.
Отъ скорби отвлекай его
И изнуряться не давай
Въ печальныхъ мысляхъ обо мнѣ.
Иная женщина въ постѣ,
Въ молитвѣ ревностна, но все жъ
Идетъ дорогою грѣха,
Лишая мужа своего
Заботливыхъ своихъ услугъ.
Но вѣрной, преданной женѣ
Не прегражденъ на небо путь,
Хотя бъ въ служенiи богамъ
Небрежною она была.
Исполнивъ то, что повелѣлъ
Мнѣ царь, я въ городъ возвращусь,
Какъ Яяти въ блаженный мiръ
Боговъ [1]). Какъ сонъ, пройдутъ года
Изгнанья; бѣдствiямъ моимъ
Наступитъ радостный конецъ.
О мать не сѣтуй, преклонись
Предъ волей рока и меня
Въ далекiй путь благослови!»
Отъ этихъ словъ смягчилась скорбь
Кавзалiи. Смочивъ уста
Водою чистою, она
Благословенья изрекла:

[1]) Царь Яяти, насладившись жизнью, предался строжайшему покаянiю, которое открыло ему доступъ въ мiръ боговъ. Среди боговъ онъ возгордился своимъ покаянiемъ и былъ за это низвергнутъ на землю; но, благодаря благочестiю своихъ внуковъ, снова вернулся на небо. Приключенiя Яяти разсказаны въ эпизодѣ «Яяти».

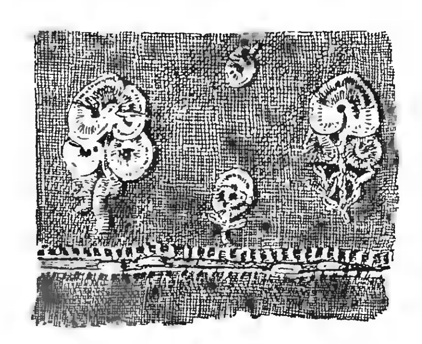
«Иди, мой сынъ! я не могу
Потомку Рагху запретить.
Да охранитъ тебя тотъ долгъ,
Который твердою душой
Такъ вѣрно соблюдаешь ты!
Пусть боги, чтимые тобой,
И ихъ святые оградятъ
Отъ золъ и недуговъ тебя!
Хранимый правдой и добромъ,
Сокрытыми въ душѣ твоей,
О благородный, много лѣтъ
Живи! Пусть горы и моря,
И Варуна—властитель водъ,
Земля и небо, и вѣтры,
И предводители планетъ,
И всѣ созвѣздiя небесъ,
И то, что движется, и то,
Что неподвижно,—защитятъ
Тебя въ скитанiяхъ твоихъ!
И не должны тебя, мой сынъ,
Ни великаны устрашать,
Ни духи страшные лѣсовъ!
Отъ скорпiоновъ, обезьянъ,
Отъ мошекъ, мухъ, жуковъ и змѣй,
И гадинъ всякихъ твой прiютъ
Да будетъ, сынъ мой, огражденъ!
Клыки медвѣдя, тигра, льва,
И буйвола опасный рогъ,
И бивни страшные слона
Тебѣ, мой сынъ, да не вредятъ!
Благословляю выходъ твой
И радостный приходъ. Во всемъ,

Что́ ты предпримешь, успѣвай!
И да сопутствуетъ тебѣ
Повсюду счастье!» И богамъ
Кавзалья воздавала честь
Куреньемъ благовонныхъ травъ
И пѣснями. Потомъ жрецу
Велѣла жертву совершить
Вѣнками бѣлыми, зерномъ
Горчицы, масломъ и травой
Священной кузой. Браманъ—жрецъ
Для Рамы жертву совершилъ,
Молясь о счастіи его
И здравіи; остатокъ жертвъ
Онъ птицамъ выбросилъ на кормъ
И заклинателямъ велѣлъ
Надъ царскимъ сыномъ совершить
Заклятье масломъ, молокомъ
И медомъ. Одаривъ жреца,
Кавзалья сыну изрекла:
«Благословеніе боговъ
Тысячеокому, чтобъ онъ
Въ сраженьи Вертру одолѣлъ [1]);
Благословенье Винаты
Гарудѣ—государю птицъ,
Чтобъ ей онъ амриту добылъ [2]);

[1]) Тысячеокій—Индра. Разсказъ о его побѣдѣ надъ демономъ Вертрой имѣетъ нѣсколько версій.

[2]) Вината и Кадру—жены Касьяпы; Кадру—мать царя змѣй, Вината—мать Гаруды, царя птицъ. Вслѣдствіе проиграннаго спора, Вината сдѣлалась рабыней Кадру, но можетъ получить свободу, если Гаруда принесетъ змѣямъ амриту. Отправляясь въ путь для

Благословенье Адити
Громовладѣтелю, чтобъ смогъ
Онъ Дити сыновей убить [1]),—
Да будутъ, сынъ мой, надъ тобой!
Иди; будь счастливъ!» И, въ чело
Царевича поцѣловавъ,
Кавзалія разсталась съ нимъ.

отысканія амриты, Гаруда получаетъ отъ своей матери благословеніе.

[1]) Адити и Дити также жены Касьяпы; Адити—мать двѣнадцати боговъ, Дити—мать Азуровъ.

VIII.

А Сита радостно ждала
Супруга, думая, что онъ
Торжественно, царемъ земли,
Въ свой домъ украшенный войдетъ;
И, жертвы принося богамъ,
Готовилась принять его
Съ великой почестью. Но князь
Съ боязнью въ свой дворецъ вошелъ.
Увидя Ситу, онъ не могъ
Печали долѣе скрывать:
Покрылось блѣдностью лицо
Его и омрачился взоръ.
И стала спрашивать его
Съ тревогой Сита: «Почему,
О Рама, ты печаленъ такъ

Въ день посвященья? Почему
Не осѣняетъ зонтъ тебя
И дуновеньемъ опахалъ
Не прохлаждается лицо
Твое? Нѣтъ на челѣ твоемъ
Помазанья слѣдовъ? Скажи,
Случилось развѣ что-нибудь,
Что ни глашатай, ни пѣвецъ
Не шествуютъ передъ тобой?
И нѣтъ въ торжественномъ пути
Съ тобою подданныхъ твоихъ?
Нѣтъ колесницы золотой
Съ цвѣтами, царскаго слона
Съ твоими знаками?» Женѣ
Встревоженной отвѣтилъ князь:
«О Сита, вѣсти роковой
Съ душевной твердостью внемли.
Однажды царь Кейкеи далъ
Обѣтъ исполнить два ея
Желанья. Исполняя ихъ,
Онъ Фаратѣ передаетъ
Престолъ Айоціи, а мнѣ
Въ лѣсъ Дандаку уйти велитъ.
Съ тобой проститься я пришелъ.
О Сита, разлучась со мной,
Ты въ цѣломудріи живи;
Безсмертныхъ бойся; почитай
Родителей; старайся скрыть
При Фаратѣ свою печаль;
Не говори съ нимъ обо мнѣ.
Измѣнчива пріязнь царей;
Легко немилость ихъ навлечь;

Лишь къ тѣмъ благоволятъ они,
Кто дѣлаетъ и говоритъ
Всегда пріятное для нихъ.
Цѣлуя, жалится змѣя,
И гладя, убиваетъ слонъ:
Въ улыбкѣ ласковой царей
Скрывается нерѣдко гнѣвъ.
Цари и друга не щадятъ,
Коль не потворствуетъ онъ имъ,
Но снисходительны къ врагу,
Который угождаетъ имъ.
О Сита, осторожной будь
И гнѣва царскаго страшись!»
Но Сита отвѣчала: «Ты
Навѣрно въ шутку говоришь
Мнѣ эти рѣчи. Братъ, сестра,
Родители и дѣти ихъ
Идутъ ко благу своему
Стезями разными; но мужъ
Съ женою слѣдуютъ однимъ
Путемъ и къ счастью одному
Стремятся нераздѣльно. Мужъ
Женѣ милѣй ея дѣтей,
Отца и матери; за нимъ
И въ жизни слѣдуетъ она
И послѣ смерти. Я пойду
Съ тобой въ изгнанье; раздѣлю
Превратности судьбы твоей.
Когда въ невѣдомую глушь
Лѣсовъ направишь ты стопы,
Я буду путь твой очищать
Отъ терній и колючихъ травъ.

Пріятнѣй роскоши дворцовъ,
Блаженнѣй неба для жены
То мѣсто, гдѣ ложится слѣдъ
Ноги супруга. Съ юныхъ лѣтъ
Я отъ родителей своихъ
Познала это, и меня
Иному не научишь ты.
Какъ въ домѣ своего отца,
Я буду счастлива съ тобой
Въ лѣсу дремучемъ. Будетъ мнѣ
Усладою исполнить долгъ,
Который выше и святѣй
Всѣхъ радостей земныхъ. Ты всѣхъ,
О храбрый, защитить готовъ,
Меня же болѣе другихъ.
Не отвергай меня, возьми
Съ собой: безъ страха, безъ тревогъ
Я въ лѣсъ невѣдомый вступлю;
Я буду съ радостью внимать
Журчанью родниковъ его
И шуму листьевъ. Будто день
Промчатся годы. Безъ тебя
Я въ небѣ не могла бы жить!»
Царевичъ возразилъ женѣ:
«О благородная, внемли
Совѣту доброму: покинь
Желанье слѣдовать за мной.
Не радость обѣщаетъ лѣсъ,
Но много горестей и бѣдъ.
Тамъ водопада грозный шумъ
Сливается съ рыканьемъ льва.
Ужасенъ лѣсъ! Болота тамъ

И рѣки преграждаютъ путь;
Ихъ обитаетъ крокодилъ,
А берега—свирѣпый слонъ.
Среди терновника и травъ
Тамъ нѣтъ проторенныхъ дорогъ.
Тамъ пища—дикіе плоды,
Постель для отдыха и сна—
Сухіе листья. Тамъ язвятъ
Фаланги, осы, скорпіонъ
И рои мошекъ. Тамъ въ травѣ
Ползутъ ехидны; у ручья
Гадюки вьются. Страшенъ лѣсъ!
О Сита, тяжело тамъ жить!
Тебѣ ли это перенесть?»
Но Сита стала возражать:
«Что думалъ Джа̀нака—отецъ,
Видехи [1]) царь, избравъ тебя
Женоподобнаго въ зятья?
Не въ правѣ ли народъ сказать:
«Гдѣ доблесть Рамы? гдѣ любовь
Его и преданность женѣ?
Онѣ иссякли, какъ роса
Отъ зноя солнечныхъ лучей!»
О малодушный, что тебя
Страшитъ такъ сильно, что съ женой
Намѣренъ разлучиться ты?
Какъ Са̀витри [2]) была вѣрна

---

[1]) Страна Видеха, называющаяся теперь Тирхутъ, находится между рѣками Гандаки (Гундукъ) и Кавзики (Кози).

[2]) Савитри, подобно Дамаянти, является образцовой женой по любви и преданности своему мужу. Разсказъ о ней (эпизодъ «Са-

Сатьяватѣ, такъ я тебѣ
Вѣрна. О Рама, только тамъ
Я буду счастлива, гдѣ ты.
Безъ утомленья за тобой
Я, словно по ковру, пойду:
Мнѣ будутъ шелкомъ стебли травъ,
Пушистымъ бархатомъ—шипы,
И вихремъ поднятая пыль—
Сандаломъ дорогимъ. Въ тѣни
Лѣсовъ, гдѣ зеленѣетъ дернъ,
На мягкомъ ложѣ мха и травъ
Отраденъ будетъ отдыхъ мнѣ.
И много ль, мало ли подашь
Ты мнѣ кореньевъ и плодовъ.
Они, какъ ѝмрита, вкусны
Покажутся изъ рукъ твоихъ.
Забуду родину свою,
Отца и мать. Ничѣмъ тебѣ
Не стану докучать. Гдѣ ты—
Блаженства неба; безъ тебя—
Повсюду адъ. О, если ты
Въ изгнанье безъ меня уйдешь,
Отъ скорби и враговъ моихъ
Мнѣ будетъ избавленьемъ ядъ.
И не отрава, только мысль,
Что мною мужъ мой пренебрегъ,
Положитъ днямъ моимъ конецъ!»
И къ Рамѣ съ жалобной мольбой
Въ объятья бросилась она,

витри») заканчивается словами: «Гдѣ похвалятъ женскую добродѣтель. Савитри да будетъ названа первою!»

И истекли изъ глазъ ея
Обильно слезы, какъ огонь
Изъ дерева арàни [1]). Князь,
Обнявши Ситу, говорилъ:
«О Сита, былъ бы мнѣ пріютъ
Боговъ блаженныхъ безъ тебя
Пріютомъ скорби! Если ты
Сама рѣшила раздѣлить
Судьбу мою, да будетъ такъ;
Не стану счастья своего
Я больше отвергать. Иди
И собирайся въ дальній путь.
Ты деньги брàманамъ раздай,
Припасы—неимущимъ. Все,
Что̀ дорогого есть у насъ,
Что̀ можетъ радовать людей—
Наряды, платья, все добро
Ты вѣрнымъ слугамъ подари.»
И Сита, радуясь, что мужъ
Ея моленью внялъ, ушла
И все имущество свое
Немедля стала раздавать

* * *

Въ великой бѣдности въ лѣсу
Жилъ брàманъ, именемъ Триджатъ,
Потомокъ смуглый Гàрги [2]). Онъ
Въ трудахъ тяжелыхъ добывалъ

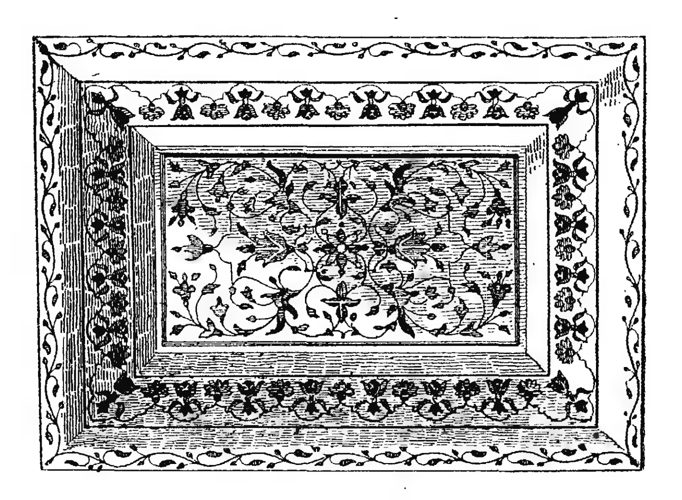
[1]) Арани (premna spinosa) легко воспламеняется при незначительномъ треніи.

[2]) Гарга—сынъ Брамы.

Свой хлѣбъ мотыкой и сохой.
Изнеможенная въ нуждѣ,
Явилась вѣрная жена
Съ дѣтьми своими передъ нимъ
И говорила: «Сдѣлай то,
Что я тебѣ скажу. Соху
Оставь и Раму посѣти:
Подобно многимъ, можетъ-быть,
И ты получишь отъ него
Въ подарокъ что-нибудь.» Тотчасъ
Накинулъ на себя Триджатъ
Свой плащъ дырявый и пошелъ
Поспѣшно къ Рамѣ во дворецъ.
Тамъ, незадержанный никѣмъ,
Достигъ онъ пятаго двора
И, къ Рамѣ подойдя, сказалъ:
«Я бѣдный, слабый человѣкъ.
И много у меня дѣтей.
Я собираю на поляхъ
Колосья, чтобы прокормить
Свое семейство. Не забудь,
Потомокъ Рагху, и меня!»
Отвѣтилъ весело ему
Царевичъ: «Тысяча коровъ
Еще осталась у меня
Отъ стадъ моихъ; и если ты
Свой посохъ дометнешь до нихъ,
Твоими будутъ.» И Триджатъ
Проворно опоясалъ плащъ
На бедрахъ, быстро завертѣлъ
Свой посохъ и метнулъ его
Со всею силой; и свистя

До стада посохъ долетѣлъ.
Обнявши брамана, сказалъ
Ему царевичъ: «Не сердись,
Что я съ тобою пошутилъ.
Коровы, также пастухи
Теперь тебѣ принадлежатъ.
Скажи, не нужно ли еще
Чего?» И браманъ отвѣчалъ:
«О князь, хотѣлъ бы совершить
Я жертву!» Рама приказалъ
Немедля стадо отогнать
Къ жилью Триджа̀та и ему
Все нужное для жертвы далъ.

IX.

Потомки Рагху подошли
Къ палатамъ царскимъ. И сказалъ
Возницѣ Рама: «Доложи
О насъ царю!» Войдя въ покой,
Возница старому царю
Побѣды, блага пожелалъ
И молвилъ: «Царь, твой старшій сынъ
Передъ воротами стоитъ.
Раздавъ имущество, простясь
Съ друзьями, онъ пришелъ съ тобой
Проститься. Допусти его!
Какъ въ огненномъ вѣнцѣ лучей
Сіяетъ солнце, блещетъ онъ
Въ добрѣ и правдѣ!» Государь

Воскликнулъ: «Пусть войдетъ мой сынъ!»
Увидя Раму, Дазаратъ
Поднялся и хотѣлъ пойти
Ему навстрѣчу, но не могъ.
И Рама, подойдя къ отцу,
Сказалъ: «Прощай, властитель мой!
Я въ путь отправиться готовъ.
Жена и Лàкшмана хотятъ
Мое изгнанье раздѣлить.
Не останавливаютъ ихъ
Ни увѣщанія мои,
Ни просьбы. Разрѣши, отецъ,
Имъ слѣдовать за мной. И пусть
Разсѣется печаль твоя!»
Съ глубокой скорбью царь сказалъ:
«О Рама, пагубный обѣтъ
Я въ ослѣпленьи далъ; его
Ты не обязанъ исполнять.»
Къ Кейкеи обратясь потомъ,
Онъ сталъ упрашивать ее:
«Царица, милосердной будь!
О благородная, внемли
Мольбамъ несчастнаго царя
И сердцемъ мужа пожалѣй.
Пусть Рама изъ твоей руки,
Какъ даръ, какъ милость, приметъ тронъ,
И слава по землѣ пройдетъ
О милосердіи твоемъ.
Взгляни на Ситу; пощади
Невинную Джанàки дочь!
Неужто кроткій взоръ ея,
Какъ взоръ козули, не смутитъ

Укоромъ совѣсти твоей?
Не сдѣлавъ зла тебѣ, ни въ чемъ
Не провинившись предъ тобой,
Она межъ тѣмъ должна итти
Въ дремучій лѣсъ! Неужто адъ
Тебя, царица, не страшитъ?»
Такъ царь Кейкèи умолялъ.
Она же, сердцемъ не смягчась,
Отвѣта вовсе не дала.
Царь долго на нее смотрѣлъ
И горестно челомъ поникъ.
Тогда, весь гнѣвомъ распалясь,
Бія ладонью о ладонь,
Зубами злобно скрежеща
И потрясая головой,
Сумантра выступилъ впередъ
И сталъ Кейкèи укорять:
«Жестокосердая, ужель
Ты можешь мужу отказать,
Который проситъ такъ тебя?
Губя царя и царскій домъ,
Неужто не боишься ты
Возмездія? Такъ знай, мы всѣ
Послѣдуемъ за Рамой въ лѣсъ;
И брàманы не станутъ жить
Въ твоихъ владѣньяхъ, ибо ты
Неслыханное на землѣ
Дѣянье хочешь совершить.
И право, чудо, что досель
Огнемъ на голову твою
Проклятье съ неба не сошло
И не разверзлась подъ тобой

Земля. Кто нимбу посадилъ,
Не вкуситъ сладкаго плода:
Изъ нимбы не сочится медъ;
Изъ чрева матери дурной
Рождается дурная дочь.
Святой отшельникъ твоему
Отцу способность даровалъ
Языкъ животныхъ понимать.
Однажды ночью твой отецъ
Джиримпфа [1]) голосъ услыхалъ
И засмѣялся. Мать твоя
Спросила съ злобою: «Чего
Смѣешься?»—«Если я тебѣ
Причину смѣха объясню,—
Сказалъ отецъ твой,—то меня
Постигнетъ неизбѣжно смерть.»
Однако, пуще обозлясь,
Сказала мать твоя: «Живи
Иль умирай, но объясни!
Я не позволю надъ собой
Смѣяться.» Твой отецъ тогда
Пошелъ къ святому и спросилъ,
Какъ должно поступить ему?
Святой отвѣтилъ: «Если, царь,
Ты не желаешь умереть,
То прогони свою жену.»
Отецъ твой такъ и поступилъ,
И счастливо теперь живетъ,
Какъ боги въ небѣ. Говорятъ,

[1]) Джиримпфъ—зѣватель, родъ духовъ.

Что сынъ походитъ на отца,
А дочь на мать; неужто ты
Желаешь эту молвь людей
Своимъ поступкомъ оправдать?
Смири свой нравъ. Не допусти
До тяжкаго грѣха царя;
Опорой для народа будь;
Отъ злыхъ совѣтниковъ и ихъ
Внушеній гнусныхъ отрекись.
Царица, былъ бы для тебя
Позоръ великій, еслибъ ты
Отторгла сына отъ отца!»
И много говорилъ еще
Язвительныхъ и кроткихъ словъ
Возница, думая смягчить
Кейкеи сердце. Но она
Его внушеньямъ не вняла.
И со слезами государь
Сказалъ возницѣ: «Собери
Четыре части войскъ [1]) моихъ
И приготовь ихъ въ дальній путь.
И пусть богатые купцы
Наймутъ охотниковъ и ихъ
Въ дорогу снарядятъ. Плати
За службу щедро. Награждай
Друзей и вѣрныхъ Рамѣ слугъ.
Надежныхъ вожаковъ найми,
Чтобъ Рамѣ въ странствіяхъ его
Указывали путь. Мой скотъ,

[1]) Слоны, колесницы, всадники и пѣшіе.

Мои орудія и рисъ,
Лежащій въ житницахъ моихъ,
Возьми съ собою. Чтобы все,
Что пожелаетъ милый сынъ,
Въ пустынѣ было у него!»
Услыша Дазарата рѣчь,
Кейкеи сдѣлалась блѣдна
И говорила: «Государь,
Неужто хочешь, чтобы сынъ
Мой пилъ осадки отъ вина?
Ты хочешь передать ему
Пустое царство—безъ богатствъ,
Безъ войскъ и гражданъ?» Ей въ отвѣтъ
Воскликнулъ гнѣвно Дазаратъ:
«Безчестная! вѣдь я и такъ
Подъ тяжкой ношею согбенъ,
Зачѣмъ же прибавляешь ты
Еще мнѣ непосильный грузъ?
Ужели долженъ я изгнать
Изъ дома Раму безъ всего?
Да будетъ такъ, какъ я сказалъ!»
На эти гнѣвныя слова
Кейкеи, обозлясь вдвойнѣ,
Сказала мужу: «Старшій сынъ
Царя Сагàры, Азамàнджъ,
Былъ изгнанъ въ рубищѣ отцомъ;—
Ты поступи, какъ предокъ твой!»
«О горе, горе!» царь вскричалъ,
И устыдились словъ ея
Всѣ слышавшіе ихъ. Тогда
Одинъ изъ брамановъ, Сидцартъ,
Изъ круга выступя, сказалъ:

«Царица, страшный Азаманджъ
Дѣтей, игравшихъ на пути,
Схватилъ и бросилъ для своей
Забавы въ Сàраю—рѣку.
И граждане, увидя то,
Разгнѣвались и такъ царю
Сказали: «Мы иль Азаманджъ,—
Межъ нами выбирай: твой сынъ
Дѣтей невинныхъ для своей
Потѣхи утопилъ въ рѣкѣ.»
Въ угоду подданнымъ своимъ,
Дурного сына царь лишилъ
Наслѣдства и прогналъ. Злодѣй,
Суму съ собою захвативъ,
Съ тѣхъ поръ скитаться сталъ. За что жъ
Въ пустыню Раму изгонять?
Какое зло онъ совершилъ?
Никто не можетъ отыскать
Малѣйшаго порока въ немъ.
Неужто тяжкую вину
За нимъ ты знаешь? Покарать
Невиннаго, кто шелъ всегда
Стезею правды,—грѣхъ такой,
Который могъ бы помрачить
Сіянье Индры. Не пятнай,
Царица, сана своего!»
Но Рама, обратясь къ царю,
Сказалъ: «На что дружина мнѣ
И многочисленный обозъ?
Кто отказался отъ слона,
Подпруги станетъ ли жалѣть?
Какая надобность въ уздѣ,

Коль конь подаренъ? Были бъ мнѣ
Лишь въ тягость войско и обозъ.
Благодарю тебя, отецъ.
Съ собой возьму я лукъ да мечъ.
Пусть царство къ брату перейдетъ,
Какъ нынѣ есть—со всѣмъ добромъ
И войскомъ. Укроти печаль
И слезы скорби осуши.
Гдѣ долгъ силенъ, безсильна тамъ
Корысть. Утѣшься, государь!
Не бѣдствія въ лѣсу насъ ждутъ,
Но радости: пасутся тамъ
Козулей кроткихъ табуны
И распѣваютъ стаи птицъ.
Какъ нынѣ, здравъ и невредимъ,
Къ тебѣ изъ странствій возвращусь:
Вознаградится скорбь твоя
Грядущаго свиданья днемъ.
Не сокрушайся жъ, не давай
Печали овладѣть собой.
Не ты ли самъ, о царь мужей,
Скорбящихъ долженъ утѣшать
Въ дни испытаній? Мать мою
Въ защиту отдаю тебѣ;
Впервые тягостная скорбь
Ее постигла. Окажи
Поддержку и вниманье ей
И милостью своей взыщи.»
И горемъ сокрушенный царь
Сказалъ, рыдая: «Милый сынъ,
Пока не свидимся, прощай!
Да будетъ путь твой безъ преградъ,

И пусть въ скитаніяхъ твоихъ
Минуютъ бѣдствія тебя!»
Потомъ, къ возницѣ обратясь,
Сказалъ онъ: «Запрягай коней
И колесницу въ путь готовь...
Такъ вотъ, чѣмъ сынъ мой награжденъ:
За добродѣтели свои
Онъ изгоняется отцомъ!»
По слову царскому, коней
Возница началъ запрягать.

* * *

Передъ разлукою зашла
Къ Кавзальѣ Сита. И свекровь,
Цѣлуя, обняла ее
И, отпуская въ дальній путь,
Сказала въ поученье ей:
«Непостояненъ женскій нравъ:
Жену свою питаетъ мужъ,
Защитой служитъ для нея;
Когда же постигаетъ вдругъ
Его несчастье, у жены
Нерѣдко прежняя къ нему
Любовь смѣняется враждой.
И свойство общее у женъ,
Что даже въ небольшой бѣдѣ
Онѣ готовы позабыть
То счастіе, которымъ мужъ
Ихъ раньше окружалъ. Съ трудомъ
Возможно сердце ихъ плѣнить,
Но тухнетъ чувство ихъ легко.
И рѣдко въ мужѣ чтитъ жена

Учность, благородный нравъ
И доброту его души.
О Сита, свято соблюдай
Любви и вѣрности обѣтъ.
Какъ чтишь боговъ, такъ почитай
Супруга въ счастьѣ и въ бѣдѣ!»

* * *

Къ Сумитрѣ Лакшмана зашелъ,
Чтобы коснуться ногъ ея.
И мать, напутствуя его,
Сказала: «Дорогой мой сынъ,
Охотно разрѣшаю я
Тебѣ въ изгнаніе итти.
По долгу дружбы долженъ ты
За Рамой слѣдовать. Ему
Заботливо всегда служи.
Богатъ ли, бѣденъ старшій братъ,
Обязанъ младшій чтить его.
И рода нашего святой
Обычай, сынъ мой, соблюдай:
Благоговѣнье и дары
При жертвахъ, храбрость на войнѣ
И преданность друзьямъ. Тебѣ
Замѣнитъ старшій братъ отца;
Какъ матерь Ситу почитай;
Да будутъ родиной тебѣ
Лѣса дремучіе. Иди,
Будь славенъ, побѣждай враговъ.
Пока не свидимся, прощай!»

* * *

Возница къ Рамѣ подошелъ
И молвилъ: «Будь благословенъ!
Садись, о доблестный герой,
На колесницу: на коняхъ
Ретивыхъ повезу тебя,
Куда прикажешь.» И къ царю
Князья и Сита подошли
И, поклонившись до земли,
Направо обошли его.
И братья, Ситу посадивъ,
Взошли на колесницу. Въ ней
Лежали стрѣлы и мечи,
Щиты и луки для князей,
Одежды съ золотымъ шитьемъ
И украшенья изъ камней
Для Ситы—драгоцѣнный даръ
Отъ деверя. И было все
Въ порядкѣ сложено и въ путь
Готово. И погналъ коней
Возница. Горестно народъ
Взиралъ на путниковъ и ихъ,
Стеня и плача, провожалъ.
И колесницу окруживъ,
Какъ жаждущихъ толпа родникъ,
Тѣснились дѣти, старики
И громко восклицали: «Стой,
Сумантра, поводъ натяни!
Утишь коней ретивыхъ бѣгъ,
Чтобъ мы могли въ послѣдній разъ
На Раму—первенца взглянуть.
Ей-ей, у матери его
Стальное сердце, что смогло

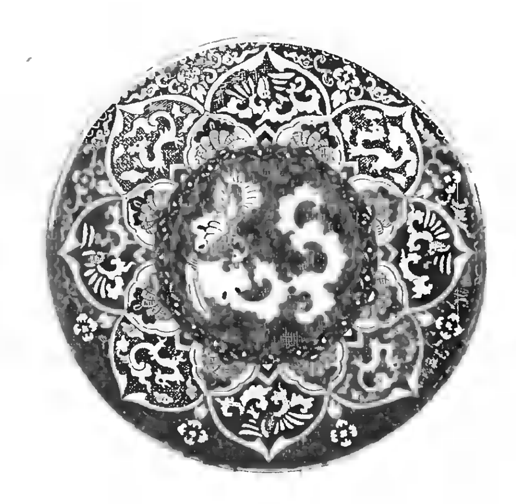
Разлуку съ сыномъ перенесть.
О Сита, славенъ подвигъ твой!
Подобно солнечнымъ лучамъ,
Не покидающимъ горы
Священной Меру [1]), ты была
Съ супругомъ неразлучна. Будь,
О Лакшмана, благословенъ,
Что брату пожелалъ служить!
Ты будешь въ небѣ награжденъ
За подвигъ свой!»—«Гони коней!»
Воскликнулъ Рама. Но народъ
Кричалъ: «Потише поѣзжай!»
Не могъ возница угодить
Заразъ обоимъ и, склонясь
Предъ волей князя, онъ погналъ
Коней ретивыхъ. И народъ
Сталъ понемногу отставать;
Но провожали Раму въ путь
Желанья добрыя его.

[1]) По міровозрѣнію индусовъ, земля имѣетъ видъ плоскаго круга, посреди котораго находится гора Меру, высотою въ 100000 іоджанъ (индійскихъ миль)—84000 надъ землею и 16000 подъ землею. На ней живутъ боги. Какъ лепестки вѣнчика окружаютъ плодникъ, такъ ее окружаютъ по мнѣнію однихъ 4, по мнѣнію другихъ 7 обитаемыхъ частей свѣта; изъ нихъ самая южная—Джамбудвипа, гдѣ лежитъ Индостанъ. Солнце, луна и звѣзды оказываютъ почетъ святой горѣ, обходя ее слѣва направо. Обхожденіе слѣва направо, какъ это видно изъ поэмы, служитъ у индусовъ знакомъ почитанія. Солнце заходитъ, чтобы освѣщать подземную часть горы; такимъ образомъ гора Меру никогда не разлучается съ солнечными лучами.

И неподвижно старый царь
Стоялъ и глазъ не отводилъ
Отъ колесницы. Но когда
Отъ пыли облако вдали
Исчезло, онъ упалъ. Его
Спѣшили жены поддержать—
Кавзалья съ правой стороны,
Кейкеи съ лѣвой. Но едва
Ее увидѣлъ Дазаратъ,
Какъ въ сильномъ гнѣвѣ закричалъ:
«Прочь, гнусная! Руки моей
Не тронь! Уйди отъ глазъ моихъ!
Ты не жена мнѣ, ты мнѣ врагъ.
На этомъ свѣтѣ и на томъ
Я отрекаюсь отъ тебя!
Какъ ты забыла долгъ святой,
Такъ забываю я тебя!
И если сынъ твой приметъ тронъ,
Добытый для него грѣхомъ
Безчестной матери, то знай,
Я жертвы не приму его,
Когда покину міръ!» Такъ царь
Кейкеи въ гнѣвѣ говорилъ,
Потомъ рыдая продолжалъ:
«Вотъ это колесницы слѣдъ,
Которая уноситъ въ глубь
Пустыни сына моего;
А это вотъ слѣды коней,
Которые везутъ его;
Но Рамы не увижу я!
Въ жилище матери его

Меня ведите: только тамъ
Могу еще я скорбь сносить.»
Изнеможеннаго царя
Въ покой Кавзальи отвели.
И легъ въ постель онъ, и за нимъ
Ходила старая жена.

X.

И кони мчались чрезъ поля,
Селенья, нивы и лѣса;
И такъ достигли береговъ
Зеленыхъ Сьяндики—рѣки,
Гдѣ стаи шумныя паслись
Павлиновъ и гусей. И здѣсь
Была граница той страны,
Которую царь Ману далъ
Въ наслѣдье сыну своему
Икшваку. Рама, обратясь
Къ Сумантрѣ, говорилъ ему:
«Когда, возница, я вернусь
Къ родителямъ и вновь пойду
Охотиться по берегамъ

Лѣсистымъ Сарàю—рѣки!
Охота—отдыхъ отъ трудовъ,
Забава лучшая царей;
По ней тоскую я.» Потомъ,
Къ Айоцьи взоры обратя,
Съ печалью говорилъ: «Прощай,
Родимый городъ! много лѣтъ
Въ разлукѣ быть намъ суждено.
Пусть боги, чтимые тобой
Отъ бѣдствій оградятъ тебя!»
Примкнувшимъ людямъ по пути,
Простерши руки, князь сказалъ:
«Вы доказали мнѣ любовь
И преданность свою; теперь
Идите съ миромъ по домамъ
И будьте счастливы!» Они,
Предъ княземъ до земли склонясь,
Направо обошли его.
Какъ солнце на исходѣ дня
Скрывается за край земли,
Такъ скрылся передъ взоромъ ихъ
Царевичъ. Доблестный герой
На колесницѣ проѣзжалъ
По нивамъ риса, по полямъ,
Богатымъ пастьбами для стадъ,
Въ землѣ Козаловъ [1]). Ѣхалъ онъ

[1]) Козалой въ различное время назывались различныя царства. Въ поэмѣ нужно различать двѣ Козалы: одна—съ главнымъ городомъ Айоціей, другая—родина Кавзаліи. Первое царство, повидимому, простирается до рѣки Сьяндики, второе лежитъ между Сьяндикой и Гангой. Миновавши первую Козалу, Рама проѣзжаетъ по второй.

Въ странѣ живущихъ безъ заботъ
Счастливыхъ гражданъ, гдѣ стоятъ
Красуясь храмы, алтари,
Сады густые, рощи амръ
И полноводные пруды.
Царевичъ ѣхалъ и достигъ
Прохладныхъ и прозрачныхъ водъ
Священной Ганги. И едва
Увидѣлъ свѣтлыя струи
Бурлящихъ волнъ ея, сказалъ:
«Возница, здѣсь остановись!
Поодаль отъ рѣки растетъ
Ингуди; подъ его густымъ
Покровомъ будетъ нашъ ночлегъ.
Хочу я вòды повидать
Рѣки, священной для боговъ,
Людей, всѣхъ тварей на землѣ
И демоновъ.»—«Да будетъ такъ!»
Сказалъ возница и коней
Направилъ къ дереву. И здѣсь,
Расположившись на ночлегъ,
На ложѣ лиственномъ легли
Царевичъ и его жена.
Склонившись къ дереву, всю ночь
На стражѣ Лакшмана стоялъ
И велъ о Рамѣ разговоръ
Съ возницею. Такъ ночь прошла,
И день насталъ. Возставъ отъ сна,
Царевичъ Лàкшманѣ сказалъ:
«Сіяя солнце поднялось,
Прошла святая ночь. Уже
Кокила черная поетъ,

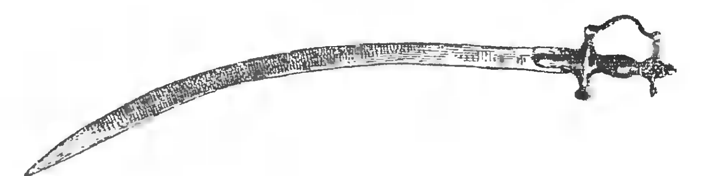
И крикъ павлиновъ—пѣтуховъ
Изъ лѣса слышится. Идемъ;
Пора намъ воды переплыть
Священной Гàнги.» Пристегнувъ
Колчаны и мечи, князья
На берегъ съ Ситою пошли.
За ними слѣдомъ побѣжалъ
Возница, Рамѣ говоря:
«О князь, что долженъ дѣлать я?»
И обернувшись отвѣчалъ
Вознпцѣ Рама: «Воротись
Домой; намъ больше не нужны
Твои услуги: мы пойдемъ
Пѣшкомъ.» Отъ путниковъ отставъ,
Возница горько зарыдалъ.
Они же, продолжая путь,
Достигли берега рѣки
И тамъ увидѣли судно.
Изгнанники вошли въ него.
Какъ старшій, Рама совершилъ
Молитвенный обрядъ; потомъ
Всѣ отпили воды святой
И поклонилися рѣкѣ.
Отчаливъ, быстро по волнамъ
Судно поплыло. И къ рѣкѣ
Благоговѣйно обратясь,
Сказала Сита: «Береги,
О Ганга, первенца царя!
Отъ бѣдствій огради его
Въ его скитаньяхъ! Возвратясь
Къ священнымъ берегамъ твоимъ,
Тебѣ, небесная рѣка,

Я жертву принесу. Шумя,
Міръ Брамы протекаешь ты
И съ неба льешься въ міръ земной.
Услышь моленія мои!»
Рѣку святую переплывъ,
На берегъ странники сошли
И продолжали путь. Сказалъ
Царевичъ Лàкшманѣ: «Иди
Впередъ, чтобъ Ситу охранять,
А я за ней пойду и васъ
Обоихъ буду защищать.
Донынѣ не постигло насъ
Несчастіе; но въ этотъ день
Узнаетъ Сита, сколько бѣдъ
Насъ ждетъ въ лѣсу. Вступаемъ мы
Въ безлюдныя мѣста. Здѣсь нѣтъ
Воздѣланныхъ полей, садовъ
Цвѣтущихъ; дебри лѣса, рвы
Да кручи преграждаютъ путь.»
И скоро странники вошли
Въ шумящій бездорожный лѣсъ.
И Сита, съ бодростью идя,
О каждомъ незнакомомъ ей
Растеньи, деревѣ, цвѣткѣ
У Рамы спрашивала; ей
Растенья эти называлъ
Царевичъ. Углубляясь въ лѣсъ,
Они къ смоковницѣ пришли;
Въ тѣни ея густыхъ вѣтвей
Родникъ прозрачный вытекалъ.
Напившись, странники зажгли
Костеръ и жарили на немъ

Добычу Рамовой стрѣлы—
Вепренка. Пищей подкрѣпясь,
Подъ сѣнью дерева они
Расположились на ночлегъ
И отдыхали, сторожа̀
По очереди. Много дней
Они все двигались впередъ;
И много проходили рѣкъ,
И много видѣли въ пути
Деревьевъ, незнакомыхъ имъ,
И множество лѣсныхъ звѣрей
Убили. Наконецъ, они
Пришли къ подножію горы
Чудесной—Читракута. Князь.
Восхитясь сердцемъ, говорилъ
Женѣ и брату на ходу:
«Вотъ, Сита, кинсуки въ вѣнцѣ
Весенняго убора; онъ
Пыластъ, какъ огонь костра,
Пунцовымъ пламенемъ цвѣтовъ.
Вотъ вильва пышная растетъ
Безъ попеченія людей
И въ пищу предлагаетъ намъ
Орѣхи зрѣлые. А вотъ
Струится по деревьямъ медъ
И каплетъ на траву. Вдали
Ты слышишь перепела крикъ,
А здѣсь павлина—пѣтуха
Веселый голосъ. Чуденъ лѣсъ!
Едва увидѣлъ я его,
Утихла скорбь моя и нѣтъ
Тоски по городѣ. Смотри.

Какъ выдались вершины горъ!
Однѣ сіяютъ серебромъ;
Другія пурпуромъ горятъ;
Вотъ тѣ желтѣютъ, какъ топазъ,
А эти, будто изумрудъ,
Зеленымъ блескомъ отдаютъ.
О ненаглядная, смотри,
Какъ чудно сочетались тамъ,
Подобно звѣздамъ и цвѣтамъ,
Сіянье многоцвѣтныхъ скалъ
И отблескъ хрусталей! Здѣсь сайгъ
Пасутся мирно табуны,
И бродятъ, людямъ не вредя,
Гіены, барсы и медвѣдь;
Здѣсь птицы стаями живутъ;
Здѣсь тѣнь прохладная, плоды
И запахъ благовонныхъ травъ
Плѣняютъ чувство. Посмотри,
Густою сѣнью, какъ шатромъ,
Смоковница покрыла насъ.
Мы а̀мры свѣжіе плоды
Ѣдимъ, и джа̀мбы сочный плодъ
Чудесно освѣжаетъ насъ.
Съ однихъ деревьевъ каплетъ медъ,
Съ другихъ прозрачною струей
Сочится масло. На скалѣ
Попарно карлики сидятъ
Съ смышленымъ видомъ; на лугу
Рѣзвятся нимфы. Посмотри,
Какъ низвергается, дробясь
О камни и кипя, ручей!
Прохладный вѣтеръ изъ долинъ

Несетъ намъ запахи цвѣтовъ.
О ненаглядная, кого
Все это не плѣнитъ! Всю жизнь
Съ тобой и братомъ я готовъ
Въ лѣсу чудесномъ провести.»
И, къ брату обратясь, сказалъ:
«Гдѣ возвышается утесъ
И чистая вблизи вода
Бѣжитъ, жилище намъ построй.»
Деревья Лакшмана рубилъ
И строилъ хижину. Когда
Она окончена была,
Сказалъ царевичъ: «Освятимъ
Жилище наше; много лѣтъ
Должны мы будемъ провести
Подъ кровлею его. Свершимъ
Святую жертву!» И въ лѣсу
Козулю Лакшмана убилъ,
И бросилъ цѣликомъ въ огонь.
А Рама, чистою водой
Умывшись, алтари воздвигъ
И жертвенный обрядъ на нихъ
Въ порядкѣ должномъ совершилъ.
Читая изреченья Ведъ,
Онъ всѣ живыя существа
Насытилъ жертвой отъ плодовъ,
Кореньевъ, мяса и воды.
Свершивши жертвенный обрядъ,
Всѣ трое въ хижину вошли.

XI.

Однажды, зарыдавъ, царю
Кавзалья стала говорить:
«О царь! ты кротокъ, милосердъ,
Со всѣми ласковъ и за то
Тремя мірами восхваленъ.
Скажи мнѣ, лучшій изъ царей,
Неужто сыновья твои
И Сита смогутъ перенесть
Опасности глухихъ лѣсовъ?
О ненаглядная моя,
О Сита нѣжная! въ дому
Своихъ родителей росла
Ты беззаботно, а теперь
Должна въ изгнаньи испытать
И зной, и стужу. Дома ты

Вкушала лучшія изъ блюдъ,
А нынѣ дикіе плоды
И дикій рисъ должна ты ѣсть.
Ты прежде услаждала слухъ
Игрой и пѣньемъ, а теперь
Должна свирѣпымъ голосамъ
Голодныхъ хищниковъ внимать.
Гдѣ Рама? Гдѣ теперь сидитъ
Мой сынъ, на руку оперпшись?
Когда увижу я его
Лотусовидное лицо?
Дивлюсь, что сердце у меня
Не разорвалось до сихъ поръ
На тысячу частей. Скажи,
О царь, за что ты погубилъ
Возлюбленныхъ моихъ дѣтей?
Вернется ли когда-нибудь
Изъ лѣса Дандаки мой сынъ?
Вернетъ ли Фарата престолъ
Ему? Не вѣрю я, о нѣтъ!
Иные приглашаютъ въ домъ
Знакомыхъ и родныхъ и, ихъ
Насытя, брамановъ зовутъ;
Но благородный человѣкъ
И амриты не станетъ ѣсть,
Хотя бы отъ стола боговъ
Она осталась: для себя
Позоромъ счелъ бы онъ вкушать
Объѣдки. Разсуди, о царь,
Не въ правѣ ль старшій, лучшій братъ
Съ презрѣніемъ отвергнуть тронъ,
Которымъ ранѣе владѣлъ

И насладился младшій? Тигръ
Добычи тронутой не ѣстъ;
Не можетъ усладить вино,
Въ которомъ выдохлись пары;
Не умилительна богамъ
Безъ Сомы [1]) жертва. Ты отторгъ
Отъ счастья сына; ты отнялъ
На вѣки царство у него;
О царь, ты Раму погубилъ,
Подобно рыбѣ, что свою жъ
Проглатываетъ мелюзгу.
Защита первая жены,
Ея убѣжище—супругъ;
Убѣжище второе—сынъ,
И третье—съ матерью отецъ.
Ты не убѣжище ужъ мнѣ,
Въ изгнаньи сынъ мой, а отецъ
И мать далеко отъ меня.
Несчастная, погибла я!»
Услыша скорбныя слова
Кавзаліи, отъ забытья
Очнулся старый государь.
Съ усильемъ напрягая мысль,
Вздыхая тяжко, на жену
Онъ изъ-подлобья устремилъ
Тоскливый взоръ и вспомнилъ грѣхъ,

---

[1]) Жертвенный напитокъ Сома приготовлялся при особыхъ обрядахъ изъ сока какого-то горнаго растенія въ смѣси съ троекратно добавляемымъ къ нему молокомъ отъ семи коровъ. Жертва Сомой считалась самой дѣйствительной: въ ней заключалась особая живительная сила для боговъ, благодаря чему боги принимали ее весьма охотно отъ людей.

Который въ молодыхъ годахъ
Стрѣльбой изъ лука совершилъ.
И стала тяжелѣй еще
Глубокая печаль царя.
Склонивши голову, сложа
Съ мольбою руки, онъ женѣ
Дрожащимъ голосомъ сказалъ:
«Кавзалья, пожалѣй меня!
На эти руки посмотри:
Въ мольбѣ я складываю ихъ.
Ты кротостью и добротой
Прославилась; не говори
Скорбящему жестокихъ словъ.
Хорошъ, дурёнъ ли мужъ, когда
Онъ страждетъ, добрая жена
Не станетъ укорять его.»
Услыша это, предъ царемъ
Кавзалія простерлась ницъ
И съ сокрушеніемъ, дрожа
И плача, стала говорить:
«О государь, внемли мольбѣ
Моей! Я заслужила смерть;
Я не достойна быть женой
Твоей. Презрѣнна та жена,
Изъ устъ которой въ злой бѣдѣ
Не утѣшенье слышитъ мужъ,
Но тяжкую себѣ хулу.
Тебя—правдиваго, свой долгъ
Святой я знаю хорошо.
Лишь скорбь исторгла у меня
Жестокія слова. Врага
Сильнѣе скорби нѣтъ: и умъ,

И волю сокрушаетъ скорбь.
Возможно рану залѣчить,
Которую наноситъ врагъ,
Но скорби залѣчить нельзя:
Она невидимо сосетъ
И гложетъ сердце. Только пять
Короткихъ дней прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ съ сыномъ разлучились мы,
Но кажутся по скорби намъ
Пятью годами эти дни.
Я размышляю день и ночь
О Рамѣ, и отъ тяжкихъ думъ
Не изсякаетъ скорбь моя,
Какъ море отъ притока рѣкъ.»

Настала ночь. Печальный царь,
Женой утѣшенный, уснулъ.
Но вскорѣ пробудился вновь,
Томимый горемъ. Въ эту ночь,
Шестую счетомъ, какъ ушелъ
Въ изгнанье Рама, вспомнилъ царь
Свой старый грѣхъ и, обратясь
Къ Кавзальѣ, сталъ ей говорить:
«Кавзалья, если ты не спишь
Еще, то выслушай меня,
Не прерывая. Человѣкъ
Еще при жизни за добро
И худо получаетъ мзду.
На неразумное дитя
Похожъ, кто къ дѣлу приступилъ.
Но не обдумалъ напередъ,
Что выйдетъ изъ него. Иной,

Срубивши амру [1]), бережетъ
Палазу [2]), думая собрать
Плоды, подобные цвѣтамъ
Ея; при снятіи плодовъ
Онъ будетъ горько сожалѣть.
Срубивши амру, посадилъ
И я палáзу, и ея
Слезами орошенный плодъ—
Изгнанье Рамы. Много лѣтъ
Тому назадъ, когда еще
Незрѣлымъ юношей я былъ,
Желая славу пріобрѣсть
Необычайнаго стрѣлка,
Не видя цѣли, я пустилъ
Стрѣлу по звуку. Какъ дитя
Въ невѣдѣньи глотаетъ ядъ,
Какъ посягаетъ зрѣлый мужъ
На жизнь свою подъ властью чаръ,
Такъ я тщеславіемъ своимъ
Страданья на себя навлекъ.

* * *

Я юношею былъ, а ты
Дѣвицей. Чудная пора
Дождей обильныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Амра (magnifera indica)—дерево, носящее мелкіе бѣлые цвѣты и крупные вкусные плоды.

[2]) Палаза или кинсука (butea frondosa) имѣетъ роскошные крупные красные цвѣты, но несъѣдобные плоды.

Забавъ и радостей моихъ
Настала. Солнце отошло
Къ странѣ, гдѣ царствомъ мертвецовъ
Владѣетъ Яма [1]). Лѣтній зной,
Берущій влагу отъ земли,
Остылъ. Явились облака.
Лягушка, чатака [2]), павлинъ
Рѣзвились всюду. Стаи птицъ,
Омытыхъ влагою небесъ,
Качались, сидя на вѣтвяхъ,
Во влажномъ воздухѣ. Гора
Отъ ливня, павшаго изъ тучъ,
Блистала, какъ морская зыбь;
И воды изъ ущелій горъ,
Сметая по пути траву
И листья, наподобье змѣй,
Стекали сотнями ручьевъ
Въ долину. Чудная пора!
И вотъ тогда-то, захвативъ
Свой лукъ и стрѣлы, я пошелъ
Для упражненья юныхъ силъ
Вдоль Сáраю-рѣки. Въ лѣсу
Надѣялся я подстеречь
Слона иль буйвола, когда
Въ ночное время подойдутъ
Они къ рѣкѣ на водопой.

[1]) Яма—богъ смерти, властитель юга.

[2]) Чатака (cuculus melanaleucus)—птица, кормящаяся по утвержденію индусовъ дождевыми каплями; естественно, она радуется появленію дождевыхъ тучъ.

И я услышалъ въ темнотѣ.
Куда мой взоръ не проникалъ,
Какой-то шумъ; я натянулъ
Тетиву и увѣренъ былъ,
Что мѣткая стрѣла пронзитъ
Лѣсного звѣря. Но едва
Стрѣла съ тетивы сорвалась,
Раздался крикъ: «О горе, кто
Пустилъ въ подвижника стрѣлу?
Кого обидѣлъ я? За что
Мнѣ рану нанесли? Къ рѣкѣ
Пришелъ я зачерпнуть воды:
Я безоруженъ, нѣтъ на мнѣ
Доспѣховъ; дикіе плоды
Мнѣ служатъ пищей. Почему жъ
Съ оружьемъ стерегутъ меня?
Кому понадобилась смерть
Подвижника? что пользы въ ней?
Безвременно теряя жизнь,
Не такъ скорблю я о себѣ,
Какъ о родителяхъ моихъ
Слѣпыхъ и слабосильныхъ. Имъ
Я былъ опорой, доставлялъ
Питье и пищу. Безъ меня
Они погибнутъ. Кто же тотъ
Безбожникъ, что одной стрѣлой
Безжалостно троихъ убилъ?»
Едва до уха моего
Достигла жалостная рѣчь.
Я лукъ и стрѣлы уронилъ
И, силясь ужасъ превозмочь,
На голосъ поспѣшилъ къ рѣкѣ.

На берегу, пронзенный въ грудь,
Сынъ покаянника лежалъ.
И кудри длинныя его
Разсыпались, и съ кровью илъ
Нагое тѣло покрывалъ.
Съ укоромъ глядя на меня,
Онъ началъ говорить: «О князь,
За что ты погубилъ меня?
Неужто тѣмъ, что зачерпнулъ
Воды, тебя обидѣлъ я?
За что на гибель ты обрекъ
Моихъ родителей слѣпыхъ?
О старцы дряхлые! они
Томятся жаждой, ждутъ меня;
И я не въ силахъ имъ подать
Воды студеной. Для чего
Молитвы, подвиги мои?
Ужель въ возмездіе за нихъ
Покину свѣтъ я, не простясь
Съ отцомъ и матерью, и имъ
Прискорбной вѣсти не смогу
Подать? Но еслибъ даже мой
Отецъ узналъ, что раненъ я,
Онъ слишкомъ слабъ, чтобъ мнѣ помочь.
Слона, пронзеннаго стрѣлой
Охотника, не можетъ слонъ
Спасти. Царевичъ, поспѣши
Къ отцу и разскажи ему,
Что́ здѣсь случилось. Торопись,
Иначе, какъ лѣсной пожаръ,
Тебя настигнетъ гнѣвъ его.
Вотъ та тропинка поведетъ

Къ его жилью. Но прежде вынь
Стрѣлу: желѣзнымъ остріемъ
Она терзаетъ грудь мою.»
Я въ нерѣшимости стоялъ,
Боясь, чтобъ подъ моей рукой
Страдалецъ духъ не испустилъ.
Подвижникъ понялъ мысль мою
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«Не устрашаетъ смерть меня,
Безъ стона вынесу я боль.
Не бойся, князь, не браманъ я,
Рожденный дважды [1]); вайсья—мой
Отецъ и судра—мать [2])». Тогда
Я вынулъ изъ груди стрѣлу.
Подвижникъ, глядя на меня,
Вздрогнулъ и умеръ. Я стоялъ,
Не зная, что́ мнѣ предпринять.
Собравшись съ мыслями, я взялъ
Кувшинъ, воды имъ зачерпнулъ
И по указанной тропѣ
Къ жилью подвижника пошелъ.
Я встрѣтилъ стариковъ слѣпыхъ.
Лишенные поводаря,
Они, какъ малые птенцы,
Не замолкая ни на мигъ,
О сынѣ разговоръ вели.

---

[1]) Браманы называются и «дважды-рожденными».

[2]) Вайсьи и судры составляютъ третью и четвертую касты послѣ брамановъ и кшатріевъ.

И Муни [1]), услыхавъ мой шагъ,
Воскликнулъ: «Гдѣ ты былъ, мой сынъ?
Подай скорѣй напиться намъ!
Навѣрно около воды
Ты забавлялся, позабывъ,
Что мать тоскуетъ за тобой.
Ты—посохъ, сынъ мой, для калѣкъ;
Ты—глазъ безглазыхъ; наша жизнь
Зависитъ отъ тебя вполнѣ.
Но почему же ты молчишь?»
Смягчая голосъ, трепеща
И запинаясь, будто мысль
Отъ страха онѣмѣла вдругъ,
Стараясь голосъ поддержать
Усильемъ духа, началъ я
Разсказъ ужасный: «О святой,
Передъ тобой не сынъ стоитъ,
Но воинъ Дазаратъ. Идя
По берегу рѣки, я шумъ
Услышалъ въ чащѣ—будто слонъ
Пилъ воду. Я пустилъ стрѣлу
И сына твоего пронзилъ.
Глубоко сожалѣя васъ,
Онъ отдалъ душу небесамъ.
Ты властенъ поступить со мной,
Какъ пожелаешь.» Я замолкъ
И, руки на груди сложа,
Съ покорностью отъ Муни ждалъ
Рѣшенья участи своей.

---

[1]) Муни—подвижникъ, покаянникъ.

Сраженный вѣстью роковой.
Отшельникъ, надрывая грудь
Стенаньями, отвѣтилъ мнѣ:
«Царевичъ, еслибъ не ты самъ
Повѣдалъ страшную вину,
Проклятьемъ раздробилъ бы я
На части голову твою.
Безъ умысла ты кровь пролилъ,
Поэтому живи, и пусть
Продлится славный родъ въ тебѣ.
Туда, гдѣ сынъ, насъ отведи:
Желаемъ мы въ послѣднiй разъ
Рукою осязать его
Нагое тѣло.» Стариковъ,
Сраженныхъ горемъ, я провелъ
Къ останкамъ сына. И они
Упали горестно на трупъ,
И Муни началъ говорить:
«О, сынъ мой милый, почему
Ты не привѣтствуешь меня?
Ты развѣ сердишься, что здѣсь
Безмолвно на землѣ лежишь?
А если своего отца
Не любишь больше, то взгляни
На любящую мать: ее
Ты не откажешься обнять;
Скажи хотя словечко ей!
О, неужели голосъ твой,
Сердечный, сладостный, когда
Бывало въ тишинѣ ночной
Святыя Веды ты читалъ,
На вѣкъ замолкнулъ? Кто же дастъ

Мнѣ въ сумеркахъ святой воды?
Кто въ хижинѣ зажжетъ огонь?
Кто мнѣ изъ лѣса принесетъ
Кореньевъ, ягодъ и плодовъ
И станетъ угощать меня?
Я слабъ, безпомощенъ, себя
Кормить не въ силахъ; какъ же я
Питанье буду добывать
Для матери твоей? Ты ей
Опорой и утѣхой былъ.
О милый сынъ, не покидай
Убогихъ старцевъ! За тобой
Въ жилище Ямы мы пойдемъ
И станемъ умолять царя,
Чтобъ онъ оставилъ старикамъ
Опору и утѣху ихъ.
Какъ истинно, что безъ вины
Ты отъ преступника погибъ,
Такъ истинно, что ты войдешь
Въ прiютъ блаженныхъ, гдѣ живутъ
Неустрашимые бойцы,
Со славой павшiе въ бою;
Гдѣ пребываютъ Дундумаръ,
Нахýша, Сáйвiя, Дилипъ
И Джанамéнджая!» Старикъ
Сухiя вѣтви собиралъ
И ихъ окрапливалъ водой,
Чтобы сожженiю предать
Прахъ сына. И явился духъ
Почившаго въ вѣнцѣ лучей,
И голосъ старцамъ возвѣстилъ:
«Въ прiютъ блаженныхъ ради васъ

Мнѣ доступъ разрѣшенъ. Со мной
Соединитесь скоро вы.»
И къ небу лучезарный духъ
Поднялся. Муни мнѣ сказалъ:
«О князь, какъ сына, и меня
Теперь убей ты: будетъ мнѣ
Усладой смерть. Хоть сына ты
Безъ умысла у насъ отнялъ,
Ты все-же долженъ искупить
Вину тяжелую: ту скорбь,
Которую я испыталъ,
Лишившись сына, долженъ ты
Передъ кончиной испытать!»
И слѣдомъ онъ зажегъ костеръ,
И съ прахомъ сына своего
Родители сожгли себя.

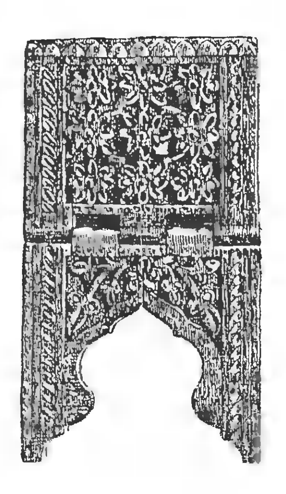
* * *

Проступокъ этотъ тяготитъ
Мнѣ сердце, омрачаетъ умъ.
Страданья тяжкія мои—
Возмездіе за старый грѣхъ;
И исполняется на мнѣ
Проклятье Муни въ смертный часъ!»

Такъ тосковалъ и плакалъ царь
И съ дрожью въ тѣлѣ продолжалъ:
«Кавзалья, руку мнѣ подай,—
Не вижу болѣе тебя.
О еслибъ Рама здѣсь стоялъ,
Счастливый, молодымъ царемъ,

И руку подалъ мнѣ, тогда
Мнѣ захотѣлось бы продлить
Остатокъ дней моихъ. За что
Страданью я обрекъ его?
Случалось, изгонялъ отецъ
Дурного сына, но вѣдь сынъ
За это проклиналъ отца;
А Рама даже не роптал.
Мнѣ гложетъ сердце эта мысль.
Кавзалія, глаза мои
Не видятъ ничего. Мой умъ
Слабѣетъ. Близокъ мой конецъ.
О горе, мнѣ не суждено
Увидѣть Раму въ этотъ мигъ!
Какъ зной росу, такъ скорбь моя
Мнѣ сердце изсушила. Тѣ,
Которымъ доведется вновь
Увидѣть милое лицо
Его въ сіяющихъ серьгахъ,
Не люди, я считаю ихъ
Богами. Чувства у меня
Теряютъ межъ собою связь;
Стихаетъ сердце, меркнетъ умъ,
И исчезаетъ, что во мнѣ
И внѣ меня, какъ слабый свѣтъ
Лампады гаснущей, когда
Въ исходѣ масло. Скорбь моя
Уноситъ силы, какъ потокъ
Кипящій почву береговъ.
О Рама! дорогой мой сынъ,
Смиритель горя моего,
Гдѣ ты?.. Сумитра, подойди

Ко мнѣ, ты добрая жена...
Кейкеи, прочь! ты—злой мой врагъ!
Ты—гибель дома моего!»
Такъ въ тяжкихъ мукахъ вопіялъ
И умеръ старый государь.

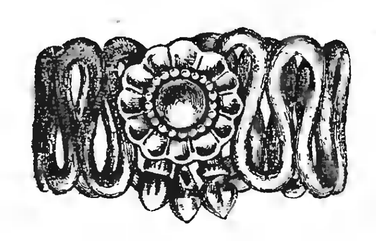
XII.

И ночь прошла; смѣнился мракъ
Сіяньемъ утреннихъ лучей.
И возвѣстили новый день
Глашатаи и хоръ пѣвцовъ.
Проснулись птицы; щебетъ ихъ
Наполнилъ воздухъ. И къ царю
Вошли прислужницы, неся
Питье обычное, сандалъ

И воду въ чашахъ золотыхъ
Для омовенья. Надъ землей
Взошло ужъ солнце; между тѣмъ
Не пробуждался государь.
Служанки ближе подошли;
Но царь не двигаясь лежалъ.
И охватила ихъ боязнь,
Что умеръ Дазаратъ. Какъ вихрь
Колышетъ слабую траву,
Такъ эта мысль ихъ потрясла;
И громкія стенанья ихъ
Подали роковую вѣсть
Живущимъ во дворцѣ. Пришли
Двѣ младшія жены царя
И съ воплями: «О государь,
Нашъ повелитель, властелинъ!»
Упали нá полъ. Этотъ шумъ
Отъ сна Кавзалью пробудилъ.
Недвижно передъ ней супругъ—
Очагъ остывшій, океанъ
Безъ влаги, солнце безъ лучей—
На ложѣ смерти почивалъ.
Коснувшись головы его,
Она, къ Кейкеи обратясь,
Воскликнула: «Теперь живи
И царствомъ наслаждайся: царь,
Жестокосердая, тебѣ
Не станетъ болѣе мѣшать!
Въ изгнаньѣ сынъ мой, въ небѣ мужъ;
Нѣтъ въ жизни больше мнѣ утѣхъ;

Я беззащитна. Жизнь меня
Не можетъ больше привлекать.
Я съ прахомъ мужа своего
Найду конецъ свой на кострѣ!»

XIII.

Царевичъ Фáрата въ ту ночь
Въ Раджáгрихѣ [1]) встревоженъ былъ
Видѣніемъ зловѣщихъ сновъ.
Дурнымъ предчувствіемъ томясь,
Онъ думалъ о своемъ отцѣ.
Бесѣдой, шутками друзья
Старались Фáрату развлечь:
Они плясали передъ нимъ
И пѣли пѣсни, и, смѣясь,
Изобразили много сценъ
Забавныхъ. Но не замѣчалъ
Царевичъ шутокъ ихъ. Тогда
Любимѣйшій и лучшій другъ
Спросилъ у Фáраты: «О князь,

[1]) Раджагрихъ — столица страны «Кекая», расположенной въ самомъ восточномъ углу Пенджаба.

Ужель ты сердишься на насъ?
Скажи намъ, почему нашъ смѣхъ,
Бесѣда, пѣнье и игра
Тебѣ сегодня въ тягость?» Князь
Отвѣтилъ: «Выслушай меня
И ты поймешь мою печаль.
Я видѣлъ въ эту ночь отца.
Безъ царскихъ знаковъ и одеждъ
Онъ на крутой горѣ стоялъ,
И были волосы его
Всклокочены. Съ вершины онъ
Въ болото мутное упалъ.
И въ масло [1]) превратилась вдругъ
Вода. Отецъ со смѣхомъ сталъ
Изъ горсти пить его, потомъ
Онъ погрузился въ глубину.
И вновь увидѣлъ я отца:
Въ одеждѣ красной [2]) и вѣнкѣ
На колесницѣ онъ стоялъ;
Ослы везли его на югъ [3]),
И усмѣхаясь передъ нимъ
Шла великанша. Я боюсь,
Чтобъ не постигла смерть царя.
Кому приснится человѣкъ
Осломъ везомый, вскорѣ тотъ
Увидитъ дымъ его костра.
Меня тревожитъ этотъ сонъ,
И я сегодня не могу

1) Передъ сожженіемъ трупы обливались масломъ.
2) Красный цвѣтъ—цвѣтъ смерти, а черный—любви.
3) Югъ - мѣстопребываніе Ямы, бога смерти.

Ни шутокъ вашихъ, ни игры
Достойно оцѣнить. Уста
Мои смыкаетъ скорбь, и грудь
Предчувствій тягостныхъ полна.»

Въ то время прибыли послы
Кейкеи. Князь немедля ихъ
Принялъ и сталъ ихъ вопрошать:
«Какъ поживаетъ мой отецъ?
Здоровъ ли Рама, веселъ онъ?
Здоровъ ли Лакшмана? И мать
Моя, Кейкеи, какъ живетъ
И что приказываетъ мнѣ?»
Послы отвѣтили ему:
«Всѣ, о которыхъ ты спросилъ,
Здоровы, князь. Кейкеи шлетъ
Тебѣ поклонъ и, тяготясь
Разлукой долгою съ тобой,
Немедля ѣхать къ ней велитъ.»—
«Да будетъ такъ!» сказалъ имъ князь
И, къ дѣду выйдя, молвилъ: «Мать
Повелѣваетъ ѣхать мнѣ
Домой. Дозволь мнѣ навѣстить
Ее.» Отвѣтилъ дѣдъ: «Ѣзжай;
Ты добрый для Кейкеи сынъ.
Отцу и матери поклонъ
Мой передай.» И подарилъ
Онъ внуку боевыхъ слоновъ,
Коней, ословъ, ручныхъ собакъ
И много шкуръ и одѣялъ.
Но, безпокоясь объ отцѣ,
Не обратилъ вниманья князь

На эти щедрые дары
И въ путь далекій поспѣшилъ.

Шесть дней онъ ѣхалъ, на седьмой
Увидѣлъ городъ. Обратясь
Къ возницѣ, Фарата сказалъ:
«Я вижу бѣлые дома
Айоціи. На свѣтѣ нѣтъ
Славнѣе города; нѣтъ словъ
Достойно восхвалить его.
Но почему обычный шумъ,
Не затихавшій никогда,
Сегодня смолкъ? Движенья нѣтъ
Нигдѣ; не вижу я коней,
Слоновъ и колесницъ. Сады,
Гдѣ прежде раздавался смѣхъ
И говоръ, тихи и пусты.
Не слышу звона я литавръ,
Гитары смолкли. Что-нибудь
Ужасное случилось здѣсь!
Трепещетъ сердце у меня;
Не вѣчно счастливъ человѣкъ;
Отъ бѣдствій страждетъ государь
Въ дворцѣ, какъ въ хижинѣ бѣднякъ.»
Князь въѣхалъ въ городъ и опять
Въ тревогѣ восклицалъ: «Какъ все
Печально здѣсь! Дома боговъ
Пусты; безлюдны рынки; нѣтъ
Благоухающихъ вѣнковъ,
Сандала, áгуру нигдѣ;
И не посыпанъ бáли-рисъ

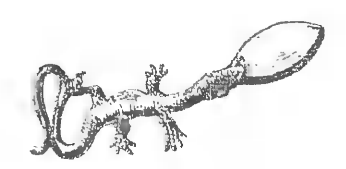
Для птицъ. О, страшную бѣду
Все это предвѣщаетъ мнѣ!»

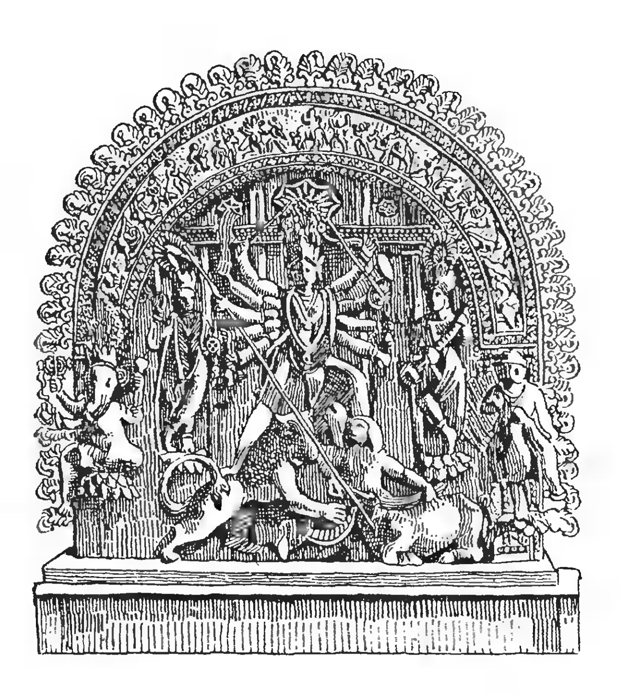
Князь черезъ городъ поспѣшилъ
Къ дворцу и, къ матери войдя,
Ей поклонился до земли.
Поцѣловавъ его въ чело,
Кейкеи стала вопрошать:
«Какъ долго былъ въ дорогѣ ты?
Не утомилъ ли путь тебя?
Какъ поживаетъ мой отецъ?
Здоровъ ли дядя Юцаджитъ?
И какъ въ далекой сторонѣ
Тебѣ жилось?» Отвѣтилъ князь:
«Шесть дней я былъ въ дорогѣ. Твой
Отецъ и дядя Юцаджитъ
Здоровы. Отпуская въ путь,
Дѣдъ щедро одарилъ меня;
Но, на призывъ твой торопясь,
Дары его оставилъ я
Въ пути. Теперь, о мать, и ты
Должна отвѣтить мнѣ: гдѣ царь?
Онъ прежде часто у тебя
Бывалъ, а нынѣ нѣтъ его
Въ твоихъ покояхъ. Можетъ-быть,
Онъ у Кавзальи? Я хочу
Коснуться ногъ царя.» Ему
Отвѣтила Кейкеи: «Твой
Отецъ отправился въ тотъ путь,
Который предназначенъ всѣмъ
Живущимъ на землѣ.» И князь,
Услыша роковую вѣсть,

Упалъ на землю и стеня
Лицо свое рукой закрылъ.
Воскликнула Кейке́и: «Встань,
Царевичъ! Не подстать тебѣ,
Простершись на полу, стенать.
Отецъ твой съ честью совершилъ
Путь жизни: царство отъ враговъ
Берёгъ, былъ въ милостынѣ щедръ,
Усерденъ въ приношеньи жертвъ;
Послѣдней цѣли онъ достигъ.
Зачѣмъ же горевать о немъ?»
Но, отвративъ свое лицо,
Стеналъ царевичъ. Наконецъ,
Смиряя скорбь свою, сказалъ:
«Въ надеждѣ, что посвятитъ царь
На царство Раму, я спѣшилъ
На радостное торжество
Сюда; иначе рокъ судилъ.
Не довелось увидѣть мнѣ
Родителя, который былъ
Ко мнѣ такъ ласковъ. Отъ какой
Болѣзни умеръ мой отецъ?
Блаженъ, кто былъ при немъ, кто могъ
Ухаживать за нимъ! Скажи,
Какія рѣчи говорилъ,
Что дѣлалъ предъ кончиной царь?»
Кейке́и молвила: «Отецъ
Твой, покидая міръ, сказалъ:
«Блаженъ, воистину, кто вновь
Увидитъ сыновей моихъ
И Ситу, если суждено
На родину вернуться имъ!»

Въ испугѣ Фа̀рата вскричалъ:
«Гдѣ жъ Рама? Гдѣ его жена
И Лакшмана?» И не смутясь
Отвѣтила Кейкеи: «Царь
Изгналъ въ пустыню Раму; съ нимъ
Жена и Лакшмана ушли.»
Царевичъ этой вѣстью былъ
Еще сильнѣе пораженъ
И спрашивалъ: «Ужель мой братъ,
Предавшись злу, на царскій домъ
Навлекъ позоръ? Ужели онъ
Присвоилъ брамановъ добро,
Обидѣлъ слабаго, жену
Чужую обольстилъ? За что
Онъ, какъ убійца, изгнанъ въ лѣсъ?»
Кейкеи, правды не стыдясь,
Отвѣтила: «Твой старшій братъ
Ни въ чемъ не виноватъ; сама
Потребовала я, чтобъ царь
На царство посвятилъ тебя,
А Раму въ отдаленный лѣсъ
Изгналъ. Для блага твоего
Я это сдѣлала. Не будь
Печальнымъ, не скорби душой,
По радуйся, любимый сынъ:
Айоція и вся страна
Теперь тебѣ принадлежатъ!»
Но въ гнѣвѣ Фарата вскричалъ:
«Преступная, да сгинетъ тронъ
Съ тобою вмѣстѣ! Долгъ жены
И матери забыла ты.
Что сдѣлалъ государь тебѣ?

Что сдѣлалъ доблестный мой братъ?
За что ты погубила ихъ?
Да будетъ для души твоей
Прибѣжищемъ кромѣшный адъ!
Ты опозорила меня!
Отнынѣ по твоей винѣ
Я людямъ ненавистенъ сталъ.
Не мать—ты врагъ мнѣ! Развѣ ты
Правдиво-мудраго царя
Асвáпати благая дочь?
Ты—Ракшеза! Ты извела
Царя, сгубила царскій домъ!
Утѣху жизни отняла
У старой матери! Ты гнѣвъ
Боговъ и ненависть людей
Своимъ поступкомъ навлекла.
Веревкой удавись, сгори
Въ кострѣ, въ лѣсу дремучемъ сгинь—
Тебѣ нигдѣ спасенья нѣтъ!»
И гнѣвомъ распаленный князь,
Пыхтя и фыркая какъ слонъ,
Какъ разъяренная змѣя
Шипя, простерся на полу.

XIV.

Въ то время собрались въ дворцѣ
Совѣтники. Отъ ихъ лица
Сумантра Фáратѣ сказалъ:
«Былъ царь дороже намъ отца;
Онъ въ мірѣ праведныхъ почилъ;
Въ изгнаньѣ первенецъ царя.
Наслѣдникъ трона нынѣ—ты.
О князь, владычество прими,

Чтобъ государство безъ главы
Не рушилось отъ тяжкихъ смутъ.

Въ странѣ, гдѣ государя нѣтъ,
Властитель тучи громовой
Сухія нивы не поитъ
Небесною росой. Тамъ сынъ
Не подчиняется отцу,
Жена—супругу своему.

Въ странѣ, гдѣ государя нѣтъ,
Безплодны нивы; нѣтъ людей,
Чтобъ строить храмы, насаждать
Сады и рощи; нѣтъ жрецовъ
Для приношенья жертвъ. Тамъ нѣтъ
Веселыхъ праздниковъ и игръ;
Не собирается толпа
У стихотворца; мудрецы
Для поученія людей
По рощамъ не ведутъ бесѣдъ.

Въ странѣ, гдѣ государя нѣтъ,
Не ходятъ дѣвушки въ сады
Для развлеченій и забавъ
Въ нарядахъ дорогихъ; мужья
Не возятъ въ колесницахъ женъ;
Шестидесятилѣтній слонъ
Съ веселымъ звономъ бубенцовъ
Не повстрѣчается въ пути.

Въ странѣ, гдѣ государя нѣтъ,
Пастухъ, богатый селянинъ

Не могутъ дома при дверяхъ
Открытыхъ мирно отдыхать.
Не можетъ развозить купецъ
Своихъ товаровъ дорогихъ
По безопасному пути.
И даже Муни, что живетъ
Для покаянія въ лѣсу,
Страны безцарственной бѣжитъ.

Въ странѣ, гдѣ государя нѣтъ,
Не упражняются стрѣлки
Для битвъ, не слышенъ свистъ ихъ стрѣлъ;
Нѣтъ храбрыхъ войскъ, чтобъ охранять
Границы царства. Какъ стада́
Не могутъ быть безъ пастуховъ,
Такъ государства—безъ царей.

Въ странѣ, гдѣ государя нѣтъ,
Не можетъ собственности быть;
Тамъ пожиралъ бы брата братъ,
Какъ рыба рыбу. Власть царя
Страшитъ злодѣя: передъ ней
Склоняется покорно онъ.
Какъ глазъ за тѣломъ, государь—
Блюститель правды и добра—
Слѣдитъ за царствомъ. Былъ бы міръ
Въ вражду и смуту погруженъ,
Когда бъ властители—цари
Порядка не хранили въ немъ.

Поэтому прими, о князь,
Властителя высокій санъ.

Съ спокойной совѣстью владѣй
Страной, оставленной тебѣ
Отцомъ и братомъ. Весь народъ
Съ благоговѣніемъ тебѣ
Подноситъ щедрые дары
Изъ сѣверныхъ и южныхъ странъ,
Съ востока, съ запада, съ морей
И суши. Касты ждутъ тебя
На посвященье. Повели
На царство посвятить себя
И славнымъ государемъ будь!»

Но князь Сумантрѣ отвѣчалъ:
«Отцовской волѣ вопреки,
Я царства не могу принять.
Коварной матери моей
Я дерзкихъ замысловъ не зналъ.
Въ изгнаньѣ братьевъ дорогихъ
И Ситы не виновенъ я.

Презрѣнъ, кто въ сердцѣ не хранитъ
Ученія священныхъ книгъ,
Не повинуется богамъ,
Не чтитъ родителей. Презрѣнъ,
Кто портитъ книгу мудреца,
Прилежно писанную имъ;
Кто святотатственно дерзнетъ
Коровы потревожить сонъ.
Презрѣнъ безпечный государь,
Который подданныхъ своихъ
Не защищаетъ, но беретъ

Съ доходовъ ихъ шестую часть [1]);
И подданный, который зломъ
За благо воздаетъ царю.
Презрѣнъ, кто предаетъ огню
Жилище ближняго, въ родникъ
Кладетъ отраву; кто страстямъ
Безстыднымъ предается днемъ;
Кто тайну друга выдаетъ;
Кто неимущему въ нуждѣ
Не хочетъ помощи подать;
Кто бра́ману богатый даръ
Пообѣщалъ и не́ далъ; кто
Нарушилъ вѣрности обѣтъ.
Презрѣнъ погрязшій во грѣхѣ:
Убійца, сластолюбецъ, лжецъ,
Мздоимецъ. Но гнуснѣй ихъ тотъ,
Кто за великій грѣхъ не счелъ
Изгнанья Рамы, кто душой
Глубо́ко не скорбѣлъ, узнавъ
Постигшую его бѣду.
Тому не мѣсто межъ людей:
Онъ долженъ дни свои влачить,
Скитаясь по глухимъ лѣсамъ
Въ презрѣнномъ рубищѣ; въ нуждѣ,
Не зная сладостныхъ утѣхъ
Любви и дружбы, онъ умретъ
Отъ тяжкихъ мукъ, и прахъ его
Не будетъ на кострѣ сожженъ!»

---

[1]) По своду законовъ Ману царь имѣетъ право требовать отъ нѣкоторыхъ произведеній шестую долю, а отъ другихъ только двѣнадцатую и даже пятидесятую.

Царевичъ послѣ этихъ словъ
Къ народу вышелъ и сказалъ:
«Издревле первенецъ у насъ
Въ роду наслѣдовалъ престолъ,
И было бъ недостойно васъ
На царство избирать меня.
Сберите войско; поспѣшимъ
За Рамой въ лѣсъ: вернемъ его
Домой, какъ пламя на очагъ.
Немедля вы должны скопать
Неровности, засыпать рвы,
И приготовить торный путь,
Чтобъ Рама, царственный герой,
Торжественно по немъ вошелъ!»
И радостно народъ вскричалъ:
«Благословеніе тебѣ,
Царевичъ доблестный, что ты
По справедливости престолъ
Желаешь Рамѣ уступить!»

XV.

Прогулкой долгой по горамъ
И по долинамъ утомясь,
Съ женою Рама отдыхалъ.
Имъ вскорѣ Ла́кшмана принесъ.
Добычу. Долю удѣливъ
Богамъ, изгнанники ее
Съ усладой принялись вкушать.

Въ то время показалась пыль
Подобно облаку вдали;
И шумъ послышался, и онъ
Усиливался каждый мигъ.

Въ лощинѣ пробудился тигръ;
Кружась въ смятеньѣ и крича,
На воздухъ птицы поднялись;
Сокрылись змѣи подъ землей;
Стада оленей и слоновъ
Промчались мимо, будто ихъ
Преслѣдовалъ лѣсной пожаръ;
Зѣвая, пробужденный левъ
Покинулъ лóгово свое;
Спустился съ дерева медвѣдь,
И буйволъ морду обернулъ.

Царевичъ Рама, услыхавъ
Смятеніе и шумъ окрестъ,
Спросилъ у Лакшманы: «Скажи,
Откуда происходитъ шумъ,
Подобный грому? Почему
Внезапно возмутился лѣсъ?
Ужъ не свирѣпствуютъ ли здѣсь
Слоны и буйволы? Иль левъ,
Проворно прыгая, толпу
Оленей гонитъ черезъ лѣсъ?
Царевичъ, можетъ-быть, пришелъ
Охотиться? Какъ стаи птицъ
Кричатъ тревожно! Посмотри,
Что это значитъ?» Тотчасъ влѣзъ
На салу [1]) Лакшмана. Едва
Съ вершины онъ окрестъ взглянулъ,

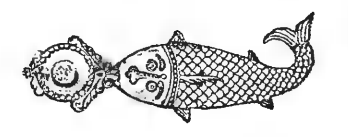
[1]) Shorea robusta.

Какъ крикнулъ Рамѣ: «Потуши
Скорѣй огонь и Ситу скрой
Въ пещерѣ. Приготовь свой лукъ
И стрѣлы. Съ сѣвера идутъ
Несмѣтныя войска: однѣ
Пѣшкомъ, другія на коняхъ;
Знамена вьются высоко
Надъ колесницами; идутъ
Въ доспѣхахъ воинскихъ слоны.»
Но Рама Лáкшману спросилъ:
«Не можешь ли замѣтить ты
Чье это войско? кто его
Ведетъ?» И Лáкшмана вскричалъ:
«Кейкéи сынъ идетъ сюда!
Навѣрное замыслилъ онъ
Насъ погубить, чтобы престолъ
Достался одному ему;
Я замѣчаю ковидаръ [1]),
Которымъ знамя у него
Украшено. Коварный врагъ!
Онъ не минуетъ нашихъ рукъ!
На насъ онъ много бѣдъ навлекъ:
Изъ-за него лишился ты
Престола. Не сочту за грѣхъ
Я дерзкаго врага убить;
Какъ дубъ, повергнутый слономъ,
Падетъ онъ отъ руки моей!
Страшись, Кейкеи: въ этотъ день,
Оплакавъ сына, ты сама

[1]) Bauhinia variegata.

Съ толпой своихъ друзей умрешь!
Святую землю я отъ васъ
Освобожу; я изолью
Свой гнѣвъ на войско, какъ огонь
На высохшіе стебли. Кровь,
Лiясь и брызгая изъ жилъ,
Разорванныхъ моей стрѣлой,
Лѣсную чащу обагритъ;
И смрадныя тѣла враговъ
Послужатъ пищею волкамъ!»
Но Рама, усмиряя гнѣвъ
Его, сказалъ: «Зачѣмъ мнѣ лукъ?
На чтó кольчуга мнѣ и мечъ?
Къ чему оружье, если братъ
Пріѣхалъ повидать меня?
Неужто думаешь, что тронъ,
Котораго могу желать
Для блага подданныхъ, меня
Побудилъ бы ко злу? Престолъ
Самихъ боговъ отвергъ бы я,
Когда бы на пути къ нему
Была неправда. Развѣ братъ
Обидѣлъ, оскорбилъ тебя,
Что заподозрилъ ты его
Въ преступныхъ цѣляхъ? Можетъ-быть,
Престоломъ самъ прельстился ты, —
Я Фáратѣ о томъ скажу,
И онъ тебѣ уступитъ тронъ.»
И Лáкшмана пристыженъ былъ
Словами брата и сказалъ
Въ смущеньѣ: «Можетъ-быть, отецъ

Повидѣться съ тобой пришелъ.»
Съ вершины дерева сойдя,
Сложилъ онъ руки на груди
И молча подлѣ Рамы сталъ.

XVI.

Какъ волны моря, чередой
Вздымаясь, движутся впередъ,
Такъ шли за Фа́ратой войска.
Какъ тучи покрываютъ сводъ
Небесный дождевой порой,
Такъ тѣсные ряды коней,
Слоновъ и пышныхъ колесницъ
Покрыли землю подъ собой.

Сумантра погонялъ коней
Усталыхъ. Обратясь къ нему,
Царевичъ молвилъ: «Посмотри,
Вотъ чудный Читракутъ съ рѣкой
Манда́кини! Темнѣетъ лѣсъ,

Какъ облако передъ дождемъ,
И вмѣсто капель, изъ него
Къ подножью падаютъ цвѣты.
О чудный, о прелестный край!
Навѣрно обитаемъ онъ.
Изъ войска опытныхъ людей
Пошли впередъ, чтобы узнать
Не тамъ ли Рама?» Захвативъ
Оружье, воины ушли
И, высмотрѣвъ надъ лѣсомъ дымъ,
Вернулись и сказали: «Гдѣ
Огонь, тамъ люди: здѣсь живутъ
Потомки Рагху!» И сказалъ
Царевичъ войску: «Стойте здѣсь,
Пока я къ вамъ не возвращусь!»
И къ мѣсту, гдѣ клубился дымъ,
Пошелъ съ возницею. Взойдя
На холмъ, увидѣли они
Пылавшій на лугу костеръ.
Какъ мореплаватель, уставъ
Отъ странствій по морскимъ волнамъ,
При видѣ берега кричитъ:
«Земля!» такъ благородный князь
Воскликнулъ: «Рама здѣсь живетъ!»
Какъ въ небѣ съ солнцемъ и луной
Планеты сходятся порой,
Такъ три царевича сошлись.
И Раму Фáрата почтилъ
Земнымъ поклономъ. Рама взялъ
За руку брата и, обнявъ
Его, поцѣловалъ въ чело;
Потомъ съ тревогою спросилъ:

«Какъ поживаетъ мой отецъ?
Какимъ оставилъ ты его?»
Отвѣтилъ Фáрата: «Отецъ,
Тоскуя по тебѣ, ушелъ
Въ небесный міръ. Передъ концомъ
Тебя онъ только вспоминалъ
И тяжко о тебѣ скорбѣлъ.»
Съ печалью, обратясь къ женѣ
И брату, Рама имъ сказалъ:
«Лишилась, Сита, свекра ты,
Ты, Лакшмана, отца; принесъ
Намъ Фарата объ этомъ вѣсть.»
При этой вѣсти роковой
У Ситы помутился взоръ,
И Лáкшмана сталъ вопіять.
Увидя тяжкую ихъ скорбь,
Царевичъ Рама имъ сказалъ:

«Не можетъ слабый человѣкъ
Своею жизнью управлять:
Суровый произволъ судьбы
Всесильно властвуетъ надъ нимъ.
Изъ смертныхъ никогда никто
Своихъ желаній безъ преградъ
Не могъ достигнуть. Велика
Потеря ваша, тяжка скорбь;
Но размышленіемъ должны
Вы слабость духа укрѣпить.
Что накопилось, то должно
Опять разсѣяться, и вновь
Все возвеличенное пасть;
Что было соединено,

Должно расторгнуться, и все,
Что жизнь имѣетъ—умереть.
Какъ близится къ паденью плодъ,
Такъ къ смерти—человѣкъ: таковъ
Удѣлъ живущихъ. Даже домъ,
Стоящій твердо на камняхъ,
Ветшая, рушится. За днемъ
Проходитъ день, снѣдая жизнь,
Какъ влагу солнце. Какъ вода
Рѣки, текущей въ океанъ,
Уходятъ въ вѣчность наши дни.
Зачѣмъ ты плачешь о другихъ?
Себя оплакивай, что жизнь—
Сидишь ли, ходишь ли—бѣжитъ
Неудержимо отъ тебя;
А смерть сопутствуетъ тебѣ
Въ забавахъ, въ отдыхѣ, во всѣхъ
Дѣлахъ твоихъ. На склонѣ лѣтъ
Морщины бороздятъ лицо,
Сѣдѣетъ волосъ. Кто бы могъ
Подъ бременемъ преклонныхъ лѣтъ
Выносливымъ и сильнымъ быть?
Привѣтствуютъ начало дня,
Благодарятъ его исходъ,
И не подумаютъ, что смерть
У жизни отняла его.
Встрѣчаютъ радостно весну.
Хотятъ увидѣть поскорѣй
Природы обновленный блескъ.
Не замѣчаетъ между тѣмъ
Никто, что смѣною временъ
Живущій близится къ концу.

На морѣ, встрѣтясь невзначай,
Двѣ щепки плаваютъ, пока
Теченье ихъ не разлучитъ.
Не такова ли участь всѣхъ
Живущихъ, связанныхъ родствомъ
И дружбой, мужа и жены,
Родителей и ихъ дѣтей?
Идя за карваномъ вслѣдъ,
Стоянки миновать нельзя,
Такъ не минуетъ человѣкъ
Предѣла праотцовъ своихъ.
Разумно ль горевать о томъ,
Что неминуемо должно
Случиться съ нами? По руслу
Рѣка обратно не течетъ,—
Истекшимъ днямъ возврата нѣтъ.
Поэтому разуменъ тотъ,
Кто, не откладывая дѣлъ,
Творитъ ихъ въ настоящій день.
Отецъ достойно совершилъ
Путь жизни: охранялъ народъ,
Былъ покровителемъ родныхъ,
Безсмертныхъ чтилъ и прибѣгалъ
На помощь страждущимъ; онъ все,
Что услаждаетъ жизнь, имѣлъ;
Теперь, покинувъ бренный прахъ,
Онъ въ мірѣ праведныхъ почилъ.
Зачѣмъ же плачете по немъ?
Кто мудръ и вѣруетъ въ боговъ,
Склоняется предъ волей ихъ.
Смирите вашу скорбь. Сойдемъ

Къ рѣкѣ Мандáкини и въ честь
Отца водою покропимъ.»

И три царевича сошли
Къ рѣкѣ. Прозрачная вода
Текла въ цвѣтущихъ берегахъ,
Покрытыхъ лѣсомъ. Зачерпнувъ
Воды, царевичи обрядъ
Печальный стали совершать
И восклицали: «Для тебя,
Отецъ, водою мы кропимъ!»
Ихъ скорбныя слова дошли
До слуха воиновъ. Сойдя
Съ коней, слоновъ и колесницъ,
Они направились къ рѣкѣ.
Всѣ жаждали скорѣй взглянуть
На Раму, будто много лѣтъ
Въ разлукѣ находились съ нимъ.
И къ Рамѣ подойдя, они
Предъ нимъ склонились. Рама ихъ
Привѣтствіемъ почтилъ. Онъ сѣлъ,
И сѣли братья, а вокругъ
Совѣтники. И сыновья
Царя сіяли въ ихъ кругу,
Какъ жертвенный огонь среди
Молящихся жрецовъ. И всѣ
Молчали; не дерзалъ никто
Нарушить тишины. Прервалъ
Молчанье Фáрата и рѣчь
Такую Рамѣ говорилъ:
«Найдется ль въ мірѣ человѣкъ,
Котораго дерзну сравнить

Съ тобой, царевичъ? Ты въ бѣдѣ
Не падалъ духомъ, никогда
Успѣхомъ не былъ ослѣпленъ.
Ты—юноша, межъ тѣмъ тебя
Съ усладой слушаетъ старикъ.
Ты живъ и будто мертвъ: тебѣ
Бытье и небытье равны.
Глубоко порицаю я
Поступокъ матери, скорблю
О немъ, и еслибъ не былъ мнѣ
Преградою сыновній долгъ,
Кейкéи покаралъ бы я.
Не стану я винить отца:
Какъ возноситель жертвъ, какъ царь,
Отецъ, учитель и старикъ,
Почившій нынѣ, для меня
Онъ святъ; но все же я дивлюсь,
Какъ могъ онъ, ненавидя зло,
Дѣянье злое совершить?
Неужто онъ изгналъ тебя,
Чтобы Кейкеи угодить?
Вѣрна, должно быть, молвь людей,
Что передъ смертью человѣкъ
Теряетъ разумъ. Долженъ ты
По истинѣ, какъ добрый сынъ,
Исправить тяжкій грѣхъ отца.
Наслѣдникъ трона—старшій сынъ;
Издревле такъ у насъ велось;
И ты, о благородный князь,
Обычая не нарушай:
Владѣй обширною землей,
Отечески храни ее

И этимъ отъ грѣха избавь
Отца, Кейкéи и меня!
Не мѣсто, кшатрій, здѣсь тебѣ,
Когда нуждается народъ
Въ заботахъ и трудахъ твоихъ.
Не ты ли самый тяжкій трудъ
Всегда готовъ себѣ избрать?—
Какое жъ бремя тяжелѣй
Заботъ и подвиговъ царя?
О князь, какъ вѣтеръ, поспѣши
На родину: тамъ ждутъ тебя
Четыре касты. Уплати
Три долга [1]). Для своей земли
Заботливымъ супругомъ будь,
Вдовою не покинь ея.
Возрадуется твой народъ,
Тебя увидя, скорбь его
Тогда разсѣется, какъ темь
Осенней ночи при лунѣ.
Друзья, совѣтники и я—
Твой братъ, слуга и ученикъ—
Усердно просимъ: нашихъ просьбъ
Не отвергай! Не откажи
Совѣтникамъ, которыхъ твой
Отецъ довѣріемъ почтилъ,

[1]) На человѣкѣ лежатъ три долга: жертвоприношеніе — долгъ относительно боговъ; чтеніе Ведъ — долгъ относительно великихъ Риши, написавшихъ ихъ; и, наконецъ, рожденіе дѣтей—долгъ относительно предковъ: души почившихъ не могутъ пребыватъ на небѣ, если не имѣютъ потомковъ, которые приносили-бы для нихъ жертвы. Если эти три долга исполнены, человѣкъ имѣетъ право удалиться изъ общества или добровольно покончить со своею жизнью.

И, не исполнивъ нашихъ просьбъ,
Не отпускай насъ отъ себя!»
И передъ Рамой до земли
Склонился Фарата. Его
Царевичъ обнялъ и сказалъ:
«О сынъ Кейкеи, хорошо
Ты рѣчь свою повелъ; но въ ней
Смѣшались истина и ложь,
И зло въ сіяніи добра
Тобой представлено. Высокъ
Иной рожденьемъ, а иной
Бываетъ званьемъ отличенъ;
Но не по званью судимъ мы
О людяхъ—по поступкамъ ихъ,
По ихъ дѣяньямъ. Если-бъ я
Нечистое сталъ облекать
Въ одежду чистаго и грѣхъ
Въ одежду долга, то меня
Не оградилъ бы царскій санъ
Отъ порицанья мудрецовъ
И кары праведныхъ боговъ.
Не царь ли подданнымъ примѣръ
Въ добрѣ и худѣ? Добрый правъ
И вѣрность слову своему
Должны присущи быть царямъ.
Весь міръ на вѣрности стоитъ;
На ней достоинство и власть
Царей покоятся; она
Единый вѣчный государь
Вселенной; только отъ нея
Исходитъ къ людямъ благодать.
Воистину, разуменъ тотъ,

Кто чтитъ ее превыше благъ
Земныхъ и жизни: отъ боговъ
И предковъ онъ получитъ мзду.
Обѣту моего отца
Останусь вѣренъ я; съ пути,
Ведущаго въ небесный міръ
Къ отцу, вовѣки не сойду.
И ты достойнымъ сыномъ будь;
Кейке́и строго не суди:
Заботы нѣжныхъ матерей,
Ихъ безкорыстная любовь
Къ дитяти слабому ничѣмъ
Не награждаются. Отбывъ
Положенный изгнанья срокъ,
Я снова въ городъ возвращусь
И царство отъ тебя приму.
Исполнимъ нашъ сыновній долгъ!
Ты будешь управлять людьми,
А я пустыней; ты найдешь
Утѣху въ подданныхъ, а я
Въ лѣсахъ дремучихъ; желтый зонтъ
Разгоряченное чело
Твое покроетъ, а меня
Густая сѣнь дубовъ; въ дѣлахъ
Твоихъ совѣтники, друзья
Тебѣ помогутъ, мнѣ—жена
И Ла́кшмана. И такъ, удѣлъ
Особый каждому изъ насъ
Назначенъ. Будемъ же вѣрны
Завѣту нашего отца!»

Такъ Рама говорилъ. И всѣ,
То восхищаясь, то скорбя,

Въ молчаньѣ слушали его.
Изъ круга выступилъ тогда
Джавали-браманъ и сказалъ:
«Потомокъ Рагху, берегись,
Чтобъ выгоды не упустилъ
Твой разумъ! Родомъ ты высокъ,
А разсуждаешь ты, какъ чернь.
Что людямъ люди? Что родство
И дружба? Человѣкъ одинъ
Рождается и въ небытье
Одинъ уходитъ. Чтя отца
И мать, глупецъ для блага ихъ
Теряетъ выгоды свои.
Не то же ль дѣтямъ отчій домъ,
Что путнику заѣзжій дворъ?
Какая надобность тебѣ
Богатство, почести мѣнять
На бѣдствія въ глухомъ лѣсу?
Какъ мужа женщина, тебя
Айодія тоскуя ждетъ;
Иди и наслаждайся тамъ
Дарами жизни. Твой народъ
Порадуетъ, о князь, тебя,
Какъ Индру небо. Разсуди,
Не то же ль Дазаратъ тебѣ,
Что сѣмя стеблю? Только кровь
Да тѣло составляютъ жизнь.
Родившись, умереть должно;
Для смертныхъ одинакій путь.
Достигнувъ старости, отецъ
Твой умеръ; такъ и быть должно.
Глубоко я жалѣю тѣхъ,

Которые всю жизнь свою
Ревниво соблюдаютъ долгъ:
Нѣтъ радостей при жизни имъ,
Со смертью же всему конецъ.
По легковѣрію, народъ
Почившимъ предкамъ и богамъ
Бросаетъ жертву на пути;
Безплодный, тщетный трудъ: богамъ
И мертвымъ пища не нужна;
И остается на пути
Безъ пользы жертва. Человѣкъ
Читаетъ въ книгахъ: «воздержись.
Будь щедрымъ, жертвы приноси
И похоть тѣла умерщвляй»,—
Все это вымыселъ жрецовъ.
Поэтому, о мудрый князь,
Бери что видишь предъ собой,
А отъ невидимаго прочь
Свои желанья отврати!»

Но бра̀ману на эту рѣчь
Сурово Рама возразилъ:
«Дивлюсь, что мудрый мой отецъ
Тебя въ совѣтники избралъ.
Презрѣвши истину и долгъ,
Къ безбожью ты склоняешь насъ;
Но отъ безбожника мудрецъ
Съ презрѣньемъ отвращаетъ взоръ!»

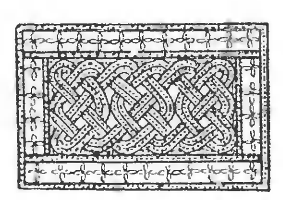
И Фа̀рата сказалъ: «О братъ,
Джава̀ли не безбожникъ: онъ
Своею рѣчью угодить

Тебѣ надѣялся. Утѣшь
Родныхъ и успокой народъ!
Ты далъ мнѣ царство, но его
Я отдаю тебѣ назадъ:
Владѣй и наслаждайся имъ.
Кто могъ бы замѣстить тебя
На тронѣ предковъ? Кто бы могъ,
Какъ ты, премудро управлять
Обширнымъ царствомъ, быть отцомъ
Народу и грозой врагамъ?
Пріявши царство, отъ заботъ
Я сокрушился бы, какъ мостъ
Отъ разъяренныхъ волнъ рѣки.
Не угоняться за конемъ
Ослу и за орломъ коню,—
Твоею трудною стезей
Не могъ бы я итти. Блаженъ,
О комъ заботится другой;
Но участь тяжела того,
Кто долженъ печься о другихъ.
Вернись къ народу своему:
Какъ пахарь въ знойную пору
Тоскуя громовержца ждетъ,
Такъ ждетъ Айоція тебя!»

Отвѣтилъ Рама: «Милый братъ,
Изъ скромности ты трудъ царя
Считаешь выше силъ своихъ.
Съ друзьями вѣрными, въ кругу
Совѣтниковъ разумныхъ, ты
Легко исполнишь, что теперь
Тяжелымъ кажется тебѣ.

Но знай, царевичъ, пусть луна
Утратитъ лучезарный блескъ,
Съ Гимàвата исчезнетъ ледъ,
Затопитъ землю океанъ,—
Обѣта не нарушу я!»

Глазами Фáрата обвелъ
Совѣтниковъ и ихъ спросилъ:
«Съ царевичемъ согласны вы?
Вы слышали его слова.»
И всѣ воскликнули: «Мы съ нимъ
Согласны! Съ добраго пути
Не станемъ совращать его!»
И Фáрата сказалъ тогда:
«Да будетъ такъ! Теперь сними,
Царевичъ, обувь съ золотымъ
Шитьемъ и съ нею передай
Мнѣ званіе и власть царя!» [1])
И Рама обувь передалъ.
Со всѣми ласково простясь,
Онъ войско отпустилъ домой.

[2]) «Прежде такой обычай былъ у Израиля при выкупѣ и при мѣнѣ, для подтвержденія какого-либо дѣла: одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому, и это было свидѣтельствомъ у Израиля.» (Руѳь, 4, 7). У древнихъ индусовъ существовалъ совершенно такой же обычай.